

Сокол

Вячеслав Шалыгин

Ярость Сокола

«ЭКСМО»

2006

Шалыгин В. В.

Ярость Сокола / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2006 — (Сокол)

ISBN 5-699-17711-6

Они проиграли сражение, но война еще не окончена! Александр «Сокол» Барков и его товарищи вынуждены отступить и укрыться в горных пещерах, чтобы собраться с силами и нанести контрудар по логову Главного – организатора тоталитарной технократии, которая расплзается по миру с помощью глобальной спутниковой сети «Networld» и невидимой армии нанороботов. Спасти идущую ко дну цивилизацию может только «Сокол», но для этого ему требуется узнать все о возможностях нового оружия врага, а еще он должен быть готов пожертвовать собственной жизнью ради сохранения жизней пяти миллиардов «лишних» людей, которых, по мнению Главного, нет смысла вести за собой в Золотой Техновек.

ISBN 5-699-17711-6

© Шалыгин В. В., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Уровень 4: Война за техносферу	6
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вячеслав Шалыгин

Ярость Сокола

Уровень 4: Война за техносферу

«...Проведенный в кабинетах обыск и тщательное изучение локальной сети не дали существенных результатов. Выяснилось, что все материалы по июльским событиям и дело „Сокола“ были изъяты бывшим начальником Службы Безопасности (СБН) „Networld“ (в обиходе – „Невод“) В. В. Добрецовым задолго до захвата спецназом центрального офиса компании в М-Сити. Такой результат крайне раздосадовал сотрудников обновленной СБН и присутствовавших во время обыска офицеров центрального аппарата МВД. Полное спокойствие сохранял только представитель Генеральной прокуратуры, старший советник юстиции Холмогоров. Он заявил, что в деле „Невода“ (дословно) „полно непроверяемых доказательств, и сбежавшие на Урал преступники (имеются в виду Владислав Добрецов, Александр Барков – „Сокол“, Николай Сотников и с ними два десятка бывших сотрудников СБН) не уйдут от наказания“.

Когда было покончено с формальностями, мы покинули здание корпорации. Я приказал подчиненным ехать на Лубянку, а сам отправился на объект «Парус».

По прибытии я спустился на защищенный подземный уровень и попросил дежурного офицера выделить мне свободный кабинет для работы с совсекретными документами.

Использовался штатный комп «Квант-1245» с функцией 3D-визуализации (сеанс номер...). Рабочие материалы содержались на диске, добровольно переданном мне Владиславом Добрецовым незадолго до штурма офиса «Networld» силами спецназа МВД и отряда внутренней безопасности СБН под непосредственным руководством Роберта Бойда, на тот момент – директора панамериканского филиала компании...

...Начав изучение материалов, я обнаружил, что на диске содержится именно та информация, которую безуспешно искали в офисе сотрудники ВБ СБН и т. д. Я и раньше догадывался, что конкретно записано на диске, но считал целесообразным об этом умалчивать. Другие службы до сих пор не в курсе, что я владею искомой информацией. Впоследствии, после тщательного изучения материалов дела «Сокола» (двенадцать голофайлов допроса, три часа видеозаписей и около двадцати файлов свидетельских показаний), я пришел к выводу, что поступил верно, утаив эту существенную улику. Убежден в этом и сейчас, после изучения всей имеющейся на диске информации...

...Через события, в ходе которых биокомпьютер модели СИН «Сокол» оказался объектом внимания специальных служб, а также криминальных, террористических и разведывательно-диверсионных групп, подотчетных неустановленному лицу по прозвищу Главный, берет начало в восемнадцатом году. Именно тогда по халатности охраны одного из стратегических исследовательских центров Министерства обороны экспериментальная модель боевого биокомпьютера СИН была вывезена за пределы военной базы и утеряна. Как выяснилось десять лет спустя, утерян «Сокол» был не безвозвратно. По воле случая его носителем стал Александр Барков (накануне основных событий в 2028 году – ведущий инженер фирмы «Мобисофт», двадцати семи лет, женат, имеет годовалого сына). То, что объект не догадывался о своем «приобретении», объясняется особыми ТТХ изделия. Созданный с использованием нанотехнологий, биокомпьютер имеет сверхкомпактные размеры и самостоятельно (совершенно безболезненно) внедряется в нервную систему «хозяина»...

...Узнав, что «Сокол» не только успешно инсталлировался в организме Баркова, но и наладил с носителем тесную виртуальную связь, Главный и его подручные решили использовать образовавшийся симбиоз человека и биокомпа в своих целях.

Важно сразу оговориться, что произошло это накануне запуска Системы – глобальной электронно-механической среды, состоящей из нанороботов, внедренных в процессоры и основные энергоблоки ВСЕХ электронных устройств на планете, а также «тройных» программ-вирусов, укорененных в Интернет и «Networld». Связь между системными элементами при помощи Интернета и следящей спутниковой сети «Networld» являлась основным условием возникновения Системы как информационно-технической среды...

...В плане Главного «Соколу», а также двум аналогичным биокомпам и трем резервным Прототипам отводилась существенная роль контролеров и своего рода предохранителей от программных и «аппаратных» сбоев.

Думаю, таким способом Главный страховался от непредвиденных последствий своего весьма рискованного эксперимента, ведь Система должна была стать фактически самым мощным и наиболее скоординированным за всю историю Техносферы проектом по решению задач при помощи нескольких одновременно используемых удаленных сопроцессоров (ГРИД). Ей стали бы подвластны все ресурсы и вычислительные мощности на планете в любой требуемой степени. Вероятность возникновения при таких условиях нештатных ситуаций невозможно просчитать заранее. Равно как нельзя угадать их характер. Вряд ли стоит воспринимать следующую теорию всерьез, но Главный предполагал, что у Системы возможно спонтанное возникновение Искусственного Интеллекта.

Наиболее перспективным вариантом дальнейшего развития мира Системы Главный считал так называемую основную задачу: полную интеграцию человека в образовавшуюся техносферу при посредничестве наномашин, вплоть до растворения в Системе личностей подключенных людей и создания разумного существа нового вида – «человека информационного».

Именно для предотвращения нежелательных последствий и (или) для координации последующего развития проекта «Система» Главному потребовались все созданные на сегодняшний день «Соколы»...

...В результате нескольких сложных комбинаций сотрудникам СБН удалось предотвратить наиболее тяжелые из вероятных последствий встречи Системы с «Соколом» и вырвать Баркова из рук Главного. Более того, с помощью фактического изобретателя «Сокола» Виктора Штоколова (сетевой «ник» Одиночка) в программу биокомпа были внесены изменения, которые сделали его непригодным для целей Главного. Это помогло остановить охоту на «Сокола» (см. том I приложения к рапорту) и частично обезопасило носителя, но лишь до момента активации Системы...

...Когда Система была активирована (т. н. «июльский кризис»), Александр Барков оказался почти в такой же опасности, как и все живущие на планете люди. Однако биокомп Баркова имел доступ к управляющим Системой «рычагам», поскольку был идентичен «Соколу-3» (работавшему в полном соответствии с замыслом Главного, контролером и посредником между Системой и ее создателем).

Пользуясь этим нюансом, Барков сумел переиграть Главного и в результате нескольких совместных с нашей Службой операций вывести из игры как подчиненного врагу «Сокола-3», так и резервный Прототип Главного. Потери с нашей стороны при

этом составили: два помощника биокомпа Баркова – Прототип Одиночки и «Сокол-2», носителем которого некоторое время выступала сотрудница СБН Тамара Смолякова...

...В результате успеха вышеуказанных мероприятий Барков завладел кодом отключения Системы, однако, следуя совету Владислава Добрецова, не отключил, а лишь перевел ее в режим ожидания. Из четырех известных на тот момент модификаций нанороботов были уничтожены только машины технологической линейки СЗН – роботы-убийцы, созданные Главным в качестве индивидуальных надзирателей над людьми. Нанороботы С2Н – рабочие-солдаты и С4НП – солдаты-охранники были в основном законсервированы. Также были законсервированы лаборатории по их производству. Единственное, что было сделано без военных хитростей, – это антивирусная чистка Сети и «Невода» самим «Доктором Соколом» (см. том 2 приложения) и командой специалистов под его руководством. На момент повторной активации Системы в сетях практически не было программ «тройанской поддержки»...

...Повторная активация Системы стала возможна вследствие ряда нарушений режима безопасности как со стороны СБН, так и нашей Службы, но это лишь второстепенные обстоятельства дела. Основным стал тот факт, что в создание Системы теневыми инвесторами изначально были вложены гигантские суммы. В связи с этим неудача июльской авантюры никак не могла стать финалом истории с заговором.

Стремясь вернуть, а если получится – и приумножить свои капиталы, в игру почти открыто вступили инвесторы Системы: политическая оппозиция стран-абонентов, а также лица, ведущие нелегальный бизнес и потому желающие уничтожить или прибрать к рукам «Networld» – всемирного полицейского. Они помогли Главному «залить раны», а после выдали карт-бланш и создали все условия для взятия реванша.

На этот раз Главный решил действовать жестко и стремительно, не подыскивая для страховки контролеров-посредников, а с изрядной долей риска, обзаведясь только одним помощником, известным под именем Блэк. Кто на самом деле этот человек (и человек ли он в принципе), нам пока неизвестно, но именно он сыграл решающую роль в провале миротворческой миссии «Сокола» (см. том 3) и в успешном решении Главным поставленных инвесторами задач...

...Однако...

...По состоянию дел на сегодня, реваншистский замысел Главного осуществлен не полностью, хотя «Networld» снова в его руках, а Система постепенно активизируется. Наводы (тщательно изолированные спецлаборатории, в которых производством нанороботов занимаются наномашины-ассемблеры) вновь задействованы на полную мощность. Можно предположить, что все физические бреши, возникшие после уничтожения нанороботов модификации СЗН, а также виртуальные пробелы будут восполнены очень быстро. Сеть также стремительно наполняется вирусами и боевыми программами Системы. Но до окончательного формирования новой «техносреды обитания» Главному остается сделать один существенный шаг.

Этот шаг – геноцид...

...Вряд ли Система станет возиться с теми, кто не захочет или не сумеет стать «человеком информационным». Что из этого следует – понятно. «Лишние» люди будут уничтожены возрожденными роботами-убийцами с программой СЗН или же наемниками из армии Главного. По неофициальным сведениям, набор в нее уже начал, в первую

очередь агитация ведется среди сотрудников силовых министерств. Подчеркну: армия Главного будет укомплектована солдатами, закованными в молекулярную броню и с высокотехнологичным оружием из нанороботов модели Н5А в руках.

Последнее обстоятельство имеет огромное значение, поскольку каждый экипированный и вооруженный таким образом воин является, по сути, самостоятельной тактической единицей. Согласно разведанным, стрелковое оружие «технобойца» по мощности и эффективности сравнимо с артиллерийско-ракетным комплексом танка, а броня позволяет не только уцелеть под шквальным огнем полевого оружия, но выполняет функцию экзоскелета, осмотического фильтра и мышечного усилителя. Вследствие этого «технобойцов» логично рассматривать как универсальные, легкие, шагающие бронемашины с экипажем из одного человека...

...Итак, до катастрофы остается один шаг. Убежден, Главный сделает этот шаг без колебаний. Согласно разведанным, на Урале, предположительно в той местности, где укрылись последние верные прежнему руководству «Networld» сотрудники, уже идет обкатка новой армии. Кроме того, практически во всех филиалах «Networld» проводятся новые чистки, на этот раз «с точностью до наоборот»: на прежние места вполне официально возвращаются люди Главного. Единственный, кто формально (или нет) остается в «Неводе» на прежней должности, – сам президент компании Михайлов. Скорее всего, это политический трюк, Михайлов теперь ничего не решает, но для сохранения видимости «естественной реорганизации» компании Главный и его марионетка Роберт Бойд (новый начальник СБН) оставили президенту его кресло...

...Циничность, наглость и четкая организация реваншистского переворота в крупнейшей компании мира не оставляют сомнений, что заговорщиков поддерживают очень влиятельные люди из высших эшелонов власти и бизнеса. Тем не менее считаю целесообразным начать разработку лиц из имеющихся списков (прилагаются) и сбор компрометирующих материалов с целью предотвращения технократического переворота в стране и (по возможности) за ее пределами...

...Прошу прощения за дальнейшую лирику, но оставить эту мысль не отраженной в документе я не имею морального права.

Возможно, любые попытки что-то изменить будут сродни хватанию за соломинку, но это хотя бы даст надежду. Ведь если ничего не предпринять, мы точно не выживем. Десять миллиардов человек – слишком много для Земли, это признают даже самые безоглядные гуманисты. Система же, судя по всему, крайне рациональна. Сколько она «отсчитает» нужных ей для функционирования биологических единиц-помощников? Вряд ли больше, чем требуется для сохранения сотни популяций на континент. Порог такого сохранения известен – две тысячи особей в одной популяции. Так что очень скоро нас может остаться на три порядка меньше, чем сегодня...»

«...Это были выдержки из моего рапорта на имя генерала Тимофеева, в то время начальника УФСБ по Москве. Последовавшие события подтвердили практически все мои догадки и опасения. Безопасности государства действительно угрожали как внешние, так и внутренние враги, названные Добрецовым «клубом богатеев».

Именно с установления личностей инвесторов Системы и сбора доказательств их участия в заговоре предложил начать новый этап работы генерал Тимофеев. Кроме меня к делу были привлечены еще девять товарищей из нашего Управления и двое «добровольцев». Все

мы формально ушли в «отпуск» и действовали фактически на свой страх и риск. Знать бы заранее, насколько они были велики, в первую очередь – риск. Смертельный риск...

Впрочем, я забегаю вперед.

Короткая и трагическая история нашей команды началась и, к сожалению, закончилась в ночь на пятнадцатое, а вечером четырнадцатого сентября генерал-лейтенант ФСБ Тимофеев согласился на встречу со мной и назначил место: неподалеку от ВВЦ, на парковке поблизости от перекрестка проспекта Мира и улицы Бориса Галушкина...»

Из е-книги Г. Евстратова «Стальные крылья Сокола», документальный роман, © «Networld», TXT-ресурс «Тайны века: война поколения „N“», 2030 г.

Глава 1

Урал, 14–15 сентября

В тесном гроте было душно. Символическая система вентиляции работала отвратительно. Воздух из единственного отверстия под потолком поступал будто бы нехотя, в час по чайной ложке. Наверху, в дополнительном помещении, дышать было не так трудно, но подниматься туда имели право только женщины. Впрочем, и они туда не совались, отдав комнатку в полное распоряжение Лены и малыша. перевозбужденный Олежка спал тревожно, часто просыпаясь с громким плачем. Каждый раз это служило своего рода сигналом для часовых. Они поднимали оружие и замирали, изучая воспаленными глазами темноту ведущего в большой тоннель коридора.

Вопреки ожиданиям, наемники не атаковали. Они словно забыли о существовании убежища. А может быть, просто решили взять беглецов измором. В общем-то, тактика была верной. Проще всего, да и безопаснее дождаться, когда у осажденных кончится терпение или запасы воды и сухие пайки.

– До утра, может быть, и дотянем, а после надо будет что-то решать. – Вася Климов попытался вытрясти из фляжки еще хотя бы каплю воды. – Может, прорвемся? Дерзость, быстрота и натиск. Ударим в штыки, как говорил Боливар, и на волю, в пампасы.

– Это крайний вариант, – возразил Николай Николаевич Сотников. – Поскольку может привести нас к тому же финалу, что и Боливара.

– Не узнаю вас, товарищ генерал в отставке, вы же любите рисковать.

– Не сейчас. Мы в глубоком тылу врага, Вася. Тут кавалерийским наскоком не обойтись.

– Зачем наскок? Просто прорваться и уйти поглубже в лес. Туда, где больше дров и меньше вражьих глаз. Сами же говорили – требуется место для маневра. Тут сидеть бессмысленно. Неизвестно, вернется ли Барков из своего диверсионного рейда, а вот наше будущее просматривается вполне отчетливо.

– Тихо! – вдруг приказал Владислав Валерьевич. – Слушайте!

Вася повертел головой и шепнул:

– Гудит что-то... вроде перфоратора или... дизель постукивает. Не пойму только, откуда звук идет.

– С тыла заходят? – обеспокоился Николай. – Дамы, вы ничего не слышите?

Тамара и Ольга, расположившиеся рядом с начальством, переглянулись и почти одновременно пожали плечиками. Гул и мерное постукивание были слышны всем, но такие нюансы, как происхождение звуков, оставались вне женского понимания.

– Может, это Барков вернулся? – шепотом предположил Денис.

– Может, – согласился Сотников. – Только что он делает? И где? Рвет для нас запасный выход?

– Ну а что тут удивительного? Нанороботы четвертой генерации тоже кое-что могут. Я сам видел, как эти тудяги сталь режут – сантиметр в секунду.

– Это да, я тоже видел, – согласился Климов. – Ломик за три секунды чикнули, как масло. Влад, помнишь, тогда, в Химках, у Сани под дверью?

– Помню. – Добрецов поднял руку. – Внимание!

– Это внизу! – определил Николай. – Бойцы, строиться!

Дремавшие, сидя на полу спиной к спине, бойцы зашевелились, но спросонья не сразу сообразили, в чем дело. Пока они ворочались, нехотя поднимались на ноги и протирали глаза,

звук усилился до вполне отчетливого постукивания. Теперь можно было с уверенностью сказать, что идет он из-под земли, вернее, из-под ровной каменной плиты холодного пола пещеры.

– Быстрее! – крикнул Владислав. – Освободить центр грота, отойти к стенам! К бою!

– Вот блин... – процедил Климов, снимая с предохранителя «Грозу». – Не было печали, купила бабка поросю.

– Ты же хотел «что-то решать», сейчас и решим, – невесело усмехнулся Денис. – Дай станнер, вдруг там роботы.

– Наверняка. – Вася бросил пилоту приборчик. – Только экономно, в нем на две минуты заряда осталось.

Вибрация стала ощутимой, и в свете фонарей появились не слишком плотные, но хорошо различимые облачка пыли... или не пыли. Климов невольно задержал дыхание, хотя отлично понимал, что если на самом деле это не пыль, то не спасет ни респиратор, ни задержка дыхания. Каменный пол дрогнул особенно сильно и начал медленно проседать в центре грота. Поначалу прогнулся участок полутора метров в диаметре, затем по полу зазмеились трещины, и диаметр просадки увеличился метров до двух. На какое-то мгновение растрескавшаяся плита прекратила проседать, центр ее пошел вверх, поднялся куполом в половину человеческого роста, и наконец в центре купола появилась дыра. Обломки в основном посыпались по неровным склонам купола, но частично провалились и в дыру. Прошло еще несколько секунд, и остатки купола рухнули все-таки вниз, в большой круглый провал с удивительно ровными краями. В потолок грота ударил плотный фонтан серой пыли, полностью поглотившей свет фонарей. Теперь рассмотреть что-либо можно было только с помощью визоров боевого шлема. Получилось, что единственным «зрячим» в одно мгновение стал Денис. Только пилот вертолета-трансформера имел в своем распоряжении нужную экипировку – летный шлем. Для всех остальных грот превратился в наполненный пылью каменный мешок.

– Осторожно! – предупредил пилот по локальной сети. – Шаг вперед – и ухнете в дыру.

– Глубоко? – поинтересовался Климов.

– Я не вижу, но... – Денис с опаской заглянул в провал. – Нормально. Метров пять-шесть.

Машина там какая-то... кажется. Вроде робота-проходчика.

– А люди?

– Никого нет.

– Дэн, назад, – приказал Добрецов. – Ждем, когда осядет пыль.

На руке у Владислава вдруг пискнул смарт. Привычный звук вызова в сложившейся ситуации был настолько неожиданным, что Добрецов вздрогнул.

– Что за черт? – Он открыл машинку и попытался рассмотреть, что отобразилось на дисплее, но ему помешала пыль. – Слушаю.

– Робот сейчас поднимет грузовую платформу, переходите на нее и спускайтесь вниз. Там технический туннель. Идите влево, он выведет на восточный склон в двух километрах южнее железнодорожной ветки. Жду вас там.

– Постойте! Александр, это вы?

– Да, Владислав Валерьевич. Прошу поспешить. Гроза закончилась, и на местность опускается очень плотный туман. Сколько он продержится, я не знаю, но другого шанса выскользнуть из окружения у нас не будет. Поспешите.

– Это довольно рискованный маневр.

– Поспешите. – Барков отключил связь.

– Черт, – повторил Добрецов. – Как он наладил связь, я не понимаю. Через робота, что ли?

Он помахал рукой, пытаясь разогнать пыль, но безуспешно. Робот-проходчик внизу негромко загудел и поднял почти вровень с полом грота небольшой кузов с низкими бортами. При желании на металлической платформе могли уместиться человек пять, что и случилось,

когда Владислав в двух фразах озвучил план дальнейших действий. Первыми вниз отправились четверо бойцов во главе с Николаем Николаевичем. Послушный робот аккуратно доставил живой груз на нижний уровень, дождался, когда люди освободят кузов, и тут же вновь поднял его на уровень грота.

Следующая пятерка не торопилась занимать места в импровизированном лифте. Владислав дождался короткого рапорта разведки: «Чисто!» – и только тогда позволил спуститься вниз второй партии, тоже из бойцов. Третьим рейсом были эвакуированы женщины и дети, а четвертым и пятым все остальные. В целом времени на все это ушло немного, минут пять. В финале робот снова поднял кузов на максимальную высоту и отключился. Получилось, что он практически заткнул дыру, не слишком герметично, но человеку в щели между железным кузовом и краями провала было не протиснуться.

– Подозрительно как-то, – скептически шурясь, заявил Денис. – Этот диггер серьезно громыхал, но его никто не услышал. И через коридор никто не пытался атаковать, будто забыли про нас. Почему?

– Может, им не до нас, – предположил ковыляющий чуть позади Климов. – Влад, тебе Барков ничего не шепнул? Он, часом, третью мировую там не начал? Почему вдруг наемникам стало не до штурма?

– Ничего не сказал, – отмахнулся Добрецов. – Выберемся – увидим. Он ждет у выхода.

– Прикрывает, – сделал вывод Вася, – значит, не все пока закончилось. Временная передышка.

– Сам-то понял, что сказал? – ухмыльнулся Денис. – «Образованный грамотей».

– Не хуже других, – обиделся Вася. – И вообще, мне непонятно, кто тебе сказал, что ты тут главный? Что тебе можно к словам цепляться и умничать?!

– Тихо, – обернулся Владислав. – Отставить склоки, оперативник Климов.

– А чего он?! Я сегодня и так как порох, а он...

– Всем досталось, все на нервах, не ты один.

– Ну, вот пусть все и переживают внутри себя, чего изливать-то?!

– Климов, успокойся, – поддержала шефа Тамара.

– И ты туда же, подруга дней суровых! – выверился Вася. – Все против меня, да?!

– Климов, заткнись! – неожиданно взвизгнула Лена. – Или я тебя убью! Ненавижу вас всех! Все заткнитесь! Все! Все! И не трогайте меня! Пустите, я больше не хочу! Пустите!

Она вырвалась из рук пытавшихся удержать ее Тома и Николая Николаевича и бросилась назад, на свет медленно гаснущих габаритных лампочек робота-проходчика. Вслед ей отчаянно завопил Олежек.

– Добился?! – Тамара ткнула кулачком Васю в плечо. – Истеричка!

– В смысле? – Климов растерянно оглянулся в поисках поддержки, но помогать ему никто не спешил. – Я тебе баба, что ли? Ты на что намекаешь?

– Истеричка и паникер! Сейчас побежишь ее догонять!

– А я-то при чем?! Она сама... того.

– С катушек съехала, – процедил Сотников, потирая бритый затылок. – Еще одна проблема на наши головы. Что делать-то? Оля, да успокой ты малыша!

– Я ему не авторитет. – Ольга попыталась покачать мальчика, но тот раскричался пуще прежнего, да еще и начал вырываться у нее из рук.

– Дай мне, – пришел на выручку Климов. – Иди сюда, Олег Александрович... ну, хорош, не блажи, вернется твоя маманя.

По голосу было слышно, что Вася все-таки чувствует себя виновным в срыве Барковой. Олежке извиняющийся тон дяди Васи не показался убедительным, и он зашелся в новом вопле. Не помогли ни уговоры, ни пустышка, ни бутылочка с водой; все это он категорически отверг. Крики малыша усиливались, отражаясь от каменных стен, и разносились далеко по

трубе, демаскируя отряд целиком и полностью. Оставалось надеяться, что противник слишком далеко, чтобы услышать эту «сирену».

Николай Николаевич отправил назад двоих бойцов, к которым добровольно присоединилась Тома. Инцидент замедлил продвижение отряда к цели, но совсем Добрецов решил не останавливаться. Оставив в арьергарде Ольгу и еще двоих ребят посвежее, он выслал вперед разведку и приказал остальным двигаться к выходу со скоростью в половину прежней. Таким образом, процессия растянулась почти на весь тоннель. Добрецова этот факт беспокоил до отчетливого раздражения, но иначе не получалось. С «обозом» лихие рейды не совершают, с ним плетутся; медленно, но верно, тут уж ничего не поделаешь.

Основная группа выбралась на свежий, пахнувший горьким туманом воздух минут через двадцать. Мальчик к тому моменту выбился из сил, но плакать не перестал, только немного снизил тональность. Его у Климова тут же перехватил вынырнувший из мглистого полумрака Барков. Почувствовав родные руки, Олежка успокоился, будто и не кричал вовсе. Он лишь несколько раз всхлипнул и тяжело вздохнул. Саша прижал сына к груди и что-то ему пробормотал на ушко. Мальчик ответил невнятным обиженным ворчанием на «невербальном» языке младенцев и крепко обнял папу за шею.

– Где Лена? – хрипло спросил Саша, безошибочно определив Добрецова по очертаниям фигуры.

– Нервы сдали, – ответил Владислав. – С ней Тома, Ольга и ребята. Скоро подтянутся.

– Мало времени. – Саша заметно покачнулся и прислонился к стволу ближайшей сосенки.

На ногах он стоял с трудом. Было заметно, что даже десять килограммов, которые весил сын, были для него серьезной тяжестью.

– Вы не ранены? – забеспокоился Добрецов.

– Я цел, а вот Аслан... погиб. Спасая меня.

– Понятно. Где противник?

– Блэк уничтожен, его подручные отошли в лагерь. Это в пяти километрах отсюда к северо-востоку.

– Значит, наши вертушки... – начал было Денис, но Саша его прервал:

– Да, улететь пока не получится. Они выставили посты. Надо уходить пешком, пока не рассвело. Ближе к утру наемники начнут поиски.

– А почему они ушли из железнодорожного тоннеля, почему вдруг прекратили нас атаковать?

– Я же сказал, Блэк уничтожен. Они временно остались без командования. Но скоро они решат эту проблему и начнут новый раунд. Надо срочно уходить.

– Надо ли? – устало проронил Климов, усаживаясь на холодный, влажный камень. – Всё против нас.

– Соберись, – холодно проронил Добрецов. – Мы можем связаться с уральским офисом. Его начальство, по-моему, пока не решило, кому служить дальше.

– Так было вчера вечером, кто знает, что они наreshали за ночь? – Вася приуныл окончательно. – Саня, а ты как вообще... на связи с внешним миром или в автономке? Саня! Алло!

Барков ответил не сразу. Складывалось впечатление, что он задремал. Лишь после третьего оклика он вернулся к реальности и отрицательно качнул головой. Последние два часа он пытался наладить связь с внешним миром, но не добился почти ничего. «Невод» и Система были сильнее. Они блокировали доступ не только в Сеть, но и в виртуальность. Барков отчаянно штурмовал воображаемую стену, но пока у него ничего не получалось. Это занятие вымотало Сашу сильнее, чем пятикилометровый марш по горам. Не помогала даже «энергетическая подкачка», которую обеспечивал «Сокол». Возможно, она, наоборот, вредила, заставляя

выплеснуть за короткое время столько энергии и гормонов, сколько хватило бы на десять часов работы в более экономном режиме.

– Я не уверен, что уральские коллеги сумеют нам помочь, даже если они пока за нас. «Невод» полностью в руках Главного и компании, нам не дадут связаться с внешним миром.

– А как вы умудрились связаться со мной? – поинтересовался Владислав.

– Это другая песня... у робота-проходчика есть передатчик, а в вашем смартфоне сидят «наны» четвертой генерации. Имея такие слагаемые, наладить в сумме связь нетрудно. Но это частный случай с километровым радиусом. Вот если бы у нас была возможность выйти в эфир в обход «Невода»...

– «Невод», «Невод», – пробормотал Сотников. – Зациклились вы на своем детище, господа хорошие, вот что я вам скажу. А ведь и до него над Землей спутники летали и, между прочим, вполне приличную связь обеспечивали. Забыли уже? «Палладиум», например, или «Глобал». Насколько я знаю, никто их в утиль не списал, хоть они и троглодиты в сравнении с «Неводом».

– У тебя есть телефон для связи через «Палладиум»? – удивился Добрецов.

– Он есть у тебя, – хмыкнул генерал.

– У меня?

– Влад, очнись. – Николай Николаевич похлопал его по плечу. – Твой резервный комплект, «сто двенадцатый», он же в любых сетях и форматах работает. Идеальный шпионский смартфон. Спецзаказ для СВР. Или скажешь, у тебя нет такой игрушки?

– А ты откуда о ней знаешь? – Добрецов порылся в карманах. – Да, что-то я притормозил. Старею, наверное.

– А я о ней и не знал, – рассмеялся Николай. – На всякий случай спросил. Чистая логика: бывший резидент разведки обязан иметь в заначке такую игрушку. Тем более ты упоминал свою законсервированную «штатовскую» агентуру. Никогда не поверю, что ты с ней связывался через «Невод» по обычному «Самсунгу».

– Молодец, – снисходительно бросил Владислав, – Шерлок Холмс... с Берия-стрит.

– Я попросил бы шутить потоньше, – отставной генерал ФСБ сделал вид, что обиделся.

– «Невод», возможно, и позволит нам выйти в эфир, но только для того, чтобы установить наше местоположение, – негромко предупредил Барков.

– Зато мы успеем вызвать помощь.

– Она опоздает. Сначала нам нужно оторваться от наемников. Предлагаю разделиться. Я уйду как можно дальше, а после попытаюсь через «Палладиум» войти в Сеть. Пока наемники будут прочесывать местность вокруг точки выхода в эфир, я попробую зайти им в тыл и выручить вертушки. Это будет вернее, чем надеяться на уральцев.

– Одному поднять три вертушки будет трудновато, – засомневался Добрецов.

– Я справлюсь. – Саша отлип от сосенки и выпрямился, почти не шатаясь. – Установлю постоянную связь между навигаторами и прикажу автопилотам ведомых машин точно копировать маневры «трансформера». Все получится.

Барков простоял пару секунд, а после все-таки покачнулся и снова оперся о дерево. Добрецов неодобрительно помотал головой.

– Что-то я сомневаюсь. Как вы себя чувствуете?

– Нормально. – Саша вновь выпрямился. – Вы же знаете, я все равно уйду.

– Знаю. Иногда вы упрямы до безобразия. – Владислав Валерьевич, выражая неодобрение, сложил руки на груди. – Даже когда знаете, что ваши идеи, мягко говоря, сыроваты.

– До сих пор все они срабатывали.

– Будь по-вашему. С вами пойдут... Климов, Денис и Тома, – наконец решил Владислав. – Первый в качестве костыля, второй поведет вертушку. Тома прикроет тылы. Думаю, если вам удастся вытащить из плена хотя бы «трансформер», мы спасены.

– «Костыля»! – Василий негромко фыркнул. – Вытирайте ноги, чего уж там, все вытирайте!

– «Трансформера» будет мало, – предупредил Денис. – Много нас. Две машины придется слямзить. Или одну большую, но это означает полет в обычном режиме, на лопастях.

– От десантных вертушек мы уйдем и в таком режиме, а от «МИГов» нам не уйти и в реактивном.

– Влад, а Тома зачем? – негромко кашлянув, спросил Николай Николаевич. – У нас тут мужиков целый взвод.

– Ценю вашу учтивость, но это лишнее, – к начальству приблизилась Тамара. – Стреляю я не хуже, а спрятаться могу за такой елочкой, которой вашим бойцам и одну ногу замаскировать не хватит.

– Закончили прения, вопрос решен. Теперь тихо! – Владислав предупреждающе поднял руку и обернулся к жерлу тоннеля.

Оттуда послышались торопливые шаги. Бойцы на всякий случай взяли оружие на изготовку, но почти сразу опустили его. Из трубы выбрался арьергард. Сначала четверо мужчин, затем трое женщин. Ольга и Тома буквально несли на себе едва перебирающую ногами от усталости и нервного шока Лену. Саша, увидев жену, снова оттолкнулся от теплой смоляной опоры и шагнул Лене навстречу, но между ними встала Тамара. Она выразительно взглянула на Сашу и молча качнула головой. В туманных сумерках Барков не слишком хорошо рассмотрел взгляд Тома, но понял все и так. Лену лучше не трогать, особенно ему. Даже не показываться ей на глаза. Саша сделал два шага назад, осторожно отцепил от шеи ручонки пригревшегося и задремавшего сына и передал его Ольге, уже привыкшей к должности походной няньки. Она взяла мальчика, мгновенно укутала в теплое верблюжье одеяло из вертолетного пассажирского комплекта и прижала к груди. Олежка не проснулся, только снова тяжело вздохнул во сне.

Что и говорить, родители осложнили ему жизнь до предела. Ни поспать толком, ни поесть вкусенького, ни поиграть, ни даже искупаться перед сном. Все время какая-то беготня, холодная еда и влажные салфетки вместо ванны. Хорошо хоть памперсы меняют. И все ради чего? Сами не знают, ради чего. Наказание какое-то, а не родители...

Будто услышав мысли отца, Олежка еще разок вздохнул и уткнулся носом тете Оле в район декольте. Если не брать во внимание разницу в возрасте, выбор он сделал верный. Более уютную грудь было не найти в радиусе... да, пожалуй, не найти вообще. Лена не в счет. Барков попытался мысленно усмехнуться, но не сумел. Когда выживаешь в темном лесу, по которому бродят вооруженные до зубов враги, шутится как-то слабо. Да вообще не шутится, даже раздражают все эти потуги поднять себе настроение.

Хотя, с другой стороны, если падать духом, то и вообще не выберешься. Вон, глядя на обессиленного «супермена», и Климов приуныл, и Денис...

«Надо собраться! Иначе все зря. А что может быть обиднее, чем проиграть, имея на руках если не флеш-рояль, то уж две приличные пары точно? Ничто, это факт. Значит, надо сохранять лицо и доводить все задуманное до конца».

Саша в буквальном смысле встряхнулся – помотал головой и ожесточенно растер уши, будто приводя себя в чувство после лишней рюмки.

– Владислав Валерьевич, у вас остались в запасе агломераты С4?

– А ваши где? – насторожился Добрецов.

– Погибли в неравном бою с Блэком, – признался Саша. – Сгорели красивым синим пламенем. Я теперь гол, как сокол, простите за глупый каламбур.

– Хм. – Владислав вынул из кармана тяжелый серый шарик, затем миниатюрный проекционный смартфон и протянул их на ладони Баркову. – Это все, что у меня осталось, Александр. Вряд ли из такого количества нанороботов выйдет приличная броня или оружие, но...

– Выйдет. – Саша взял только шарик. – Надеюсь, это резерв, а не ваша защита.

– Резерв, причем не последний, – очень убедительно соврал Добрецов. – Пользуйтесь.
– Смарт оставьте себе. Если повезет исчезнуть из поля зрения «Невода», я войду в Сеть и без него.

– Дай-ка полюбуюсь, – смарт у Владислава забрал Николай Николаевич. – Много слышал об этой машинке, но видеть не доводилось.

Добрецов отдал «сто двенадцатый» без возражений, не прерывая беседы с Барковым.

– У вас же были проблемы с доступом в виртуальность. Разве нет?

– Они и сейчас есть, – Саша пожал плечами. – Я же говорю, если получится обмануть «Невод» и Систему. Я ведь не волшебник.

Барков сжал шарик в руке, и через секунду от агломерата не осталось и следа. Точнее – видимого следа, поскольку невзрачный серый шарик растекся по телу носителя «Сокола» молекулярной защитной пленкой. Ощувив на коже почти неуловимое покалывание, Саша окончательно пришел в себя. Сразу же вернулись утраченное после схватки с Блэком и гибели Аслана душевное равновесие и относительная бодрость тела. А главное, Барков перестал чувствовать себя беззащитным, то есть простым смертным.

Безусловно, он понимал, что молекулярная броня из нанороботов не спасет его от выстрела «дуплетом»: из М-станнера и винтовки. Первый «ствол» в этом случае отключит на полминуты броню из «нанов», а второй достанет человека. Примерно того же эффекта можно добиться, если врезать направленным электромагнитным импульсом, – будет сработано более грубо, но тоже эффективно. Однако оба варианта относились к разряду сложностей. Без них Баркова теперь не взять никаким оружием. К тому же в голове у него сидел «Сокол» – биокомп, способный не только подключать хозяина к Сети и «Неводу», но и предупреждать о грозящей опасности.

Несмотря на серьезную изношенность нервной системы и физическое истощение (не поспи два месяца кряду!), «Сокол»-Барков оставался эффективной боевой машиной, которой следовало найти достойное применение. Впрочем, и это не было проблемой.

После уничтожения Блэка Саша лишний раз убедился, что в Большой Игре заговорщиков, прибравших к рукам «Невод» и теперь прицеливающихся на прочие столпы цивилизации, имеется скрытый уровень. Возможно, именно на нем и затаился тот, кто затеял всю эту катавасию, – мистер Главный, который если и был когда-то Блэком, то лишь в одной из своих ипостасей. Барков понял это недавно, но отчетливо. Найти основное воплощение Главного теперь становилось делом принципа. У человека, загнанного в угол или в лес, что не суть важно, просто не может быть других дел и других принципов. Только кидаться на врага, целя зубами ему в глотку. Со всей возможной злостью. Даже с яростью. Так и только так. А иначе не победить и не выжить. Не тот уровень Игры, чтобы долго раскачиваться. Монстры повсюду, только успевай вертеться и стрелять.

Саша проверил оружие и кивнул своим сопровождающим. Те поднялись с мягкой хвойной подстилки довольно бодро. Они будто бы учуяли, что Барков снова в форме. Произшедшие с ним перемены заметно взбодрили и эскорт.

– Мы вернемся через три часа. Постарайтесь до нашего возвращения не обнаружить себя ничем, – обращаясь к Добрецову, сказал Саша. – Это касается не только попыток наладить связь через «Невод». Про свой шпионский смарт тоже забудьте, пожалуйста, до поры до времени. «Невод» вас вычислит в любой сети.

– А вы успеете? – с сомнением спросил Владислав.

– Да. Я ведь «Сокол». – Саша вымученно улыбнулся. – Надеюсь, мы прилетим раньше наемников. Риск есть, но он оправдан. Кстати, продумайте заранее маршрут нашего дальнейшего «путешествия».

– Уже продумал. – Владислав Валерьевич протянул руку. – Удачи.

– До встречи. – Барков пожал ему руку. – Ровно через три часа. Время пошло.

Добрецов проводил задумчивым взглядом исчезающие в тумане фигуры и кивнул в ответ на свои мысли. Барков был измотан и слаб, но явно воспрянул духом. В сложившейся ситуации правильная мотивация была важнее всего. Что послужило толчком, выбросившим Сашу из трясины депрессии, оставалось догадываться. Возможно, дело было во внутреннем стержне, который, без сомнения, имелся у Баркова. Вполне возможно. Люди с такой структурой характера иногда расклеиваются под монотонными каплями множества мелких проблем, но умеют собраться, когда чувствуют, что их прижали к стене. Саша был именно таким, броневой. В отличие, например, от Климова – субъекта толстокожего и до определенной степени твердого, но без стального сердечника. Или взять Николая: он в этом сравнительном ряду мог быть уподоблен пуле без оболочки. Травматическое и останавливающее действие огромно, а вот пробить навывлет – слабо. Но надежен, как эта самая пуля из «нагана», факт. И все же сейчас заряжать следовало броневой.

Владислав взглянул на часы в смарте. До рассвета оставалось примерно два часа, но туман, похоже, мог прибавить час форы, а то и два. Увеличить отрыв до десяти километров вполне реально, главное, чтобы наемники не ринулись в поиск, плюнув на скверные погодные условия. В этом случае шансы падали до минимума. «Дикие гуси» – мастеровитые ребята. Им не так уж важна поддержка с воздуха или орбиты. Бродить по лесам – их профессия. Туман, конечно, обещал замедлить их продвижение, но и перед беглецами расступаться он не собирался. Так что успех зависел только от промежутка между стартовыми отмахками.

Владислав подозвал Сотникова, коротко с ним посоветовался и скомандовал отряду «подъем». Больше всего Добрецов опасался, что возникнут новые проблемы с Леной, однако она отреагировала спокойно. Вернее, не отреагировала вовсе. Ей помогли подняться, она безропотно встала и, взяв под руку одного из бойцов, побрела следом за Ольгой, баюкающей на ходу малыша.

Возглавлять колонну, выбирая по компасу и крупномасштабной карте направление, и контролировать головной дозор Добрецов поручил Николаю. Сам же Владислав пристроился в хвосте отряда, почти последним, не считая двух бойцов тылового охранения. Так ему было и спокойнее, и удобнее. Он видел почти всех и не опасался, что кто-то потеряется в тумане, а еще здесь ему никто не мешал сосредоточиться на выработке новой стратегии и тактики.

Мерный ритм шагов способствовал размышлениям, погружая в своего рода медитативный транс не хуже, чем музыка БГ. Дома или в кабинете Владислав обычно размышлял именно под такой аккомпанемент. Необходимое для продуктивных размышлений душевное равновесие обреталось уже на второй песне из любого альбома. Способ номер два – прогулка по парку – помогал сосредоточиться не так быстро, но тоже действовал безотказно. Сумерки и туман ускорили процесс, и вскоре Добрецов крепко задумался.

Прежде чем перейти к планированию, он попытался осмыслить произошедшее и сделать выводы. Все выводы почему-то крутились в одной плоскости – кто остался и кто предал? И это не было праздным любопытством. Последующее планирование могло базироваться только на знании точной расстановки сил.

«Лесаж, Бекила и Сотников – вот и вся королевская рать. Только в этих троих я могу быть уверен, но об их исключительной преданности знает и Главный. Из чего следует, что он в первую очередь должен отдать приказ Бойду очистить африканский офис от Бекилы, а западноевропейский – от Жана. Абебе сейчас, наверное, отсиживается на одной из своих роскошных вилл в Кении или Эфиопии, а Лесаж пустился в бег. Больше ни в ком нельзя быть уверенным на сто процентов. Даже в старике. Хотя тут очевидна подстава. Михайлова наверняка заставили подписать «отречение» и заявить о «реорганизации». Каким способом – вопрос следующий, но по доброй воле он ничего подобного не сделал бы ни за какие коврижки. А под угрозами? И это сомнительно. Он человек принципа, к тому же знает себе цену. Ему невозможно пригрозить, его нереально подкупить, у него бесполезно выпрашивать. И что тогда получается?»

Что заявление Михайлова фальшивка? Получается, да, грубый подлог. Сто против одного. Вот только как это доказать?»

Добрецов отлично понимал, что доказать, переиграть, победить, освободить и вернуть все на круги своя можно будет, лишь выбравшись из ловушки и связавшись с самим Михайловым, а через него с высшим руководством России и других ведущих держав, но пока это выглядело весьма туманной и полной невидимых опасностей перспективой. Почти такой же, как лежащая перед отрядом ночная тропа. К тому же кроме праведного гнева Михайлова (а он наверняка будет) против Главного и компании следовало выдвинуть фактически обоснованные обвинения. И тут снова возникал пока безответный вопрос: какие?

«Жаль, куда-то запропастился Уфимцев, в смысле мистер Пит Фоули. У него, похоже, имелась какая-то информационная бомба. Если его нашли люди Главного, жаль вдвойне, поскольку это будет означать, что Питер погиб, а информация потеряна навсегда. Пожалуй, придется «расконсервировать» еще нескольких старых агентов в Штатах. Пусть поищут Фоули, а заодно обрисуют текущую ситуацию в Западном полушарии. С кого начать? С Марка? Нет, ближе всех к сектору Пита живет Хосе...»

– Медитируешь?

Рядом с Добрецовым бесшумно возник Николай Николаевич.

– Кому доверил компас?

– Влад, Влад. – Сотников укоризненно покачал головой. – Обижаешь меня и как бывшего генерала, и как специалиста-кадровика. Доверять людям надо. Особенно опытным. У нас тут не детский сад на прогулке. Кое-кто из этих бойцов по таким джунглям шастал, тебе и не приснится.

– Извини, не прав.

– Да нет, в принципе, ты прав, но все-таки командир и нянька – разные профессии. Ты-то о чем тут голову ломал? Могу подсказать?

– А есть что подсказать? – Добрецов прищурился, испытующе глядя на заместителя. – Просто так ты бы точно не подошел.

– Продолжай, продолжай, – усмехнулся Сотников. – Мне нравится: сам спрашиваешь, сам отвечаешь.

– Смарт, думаю, ты вырубил в целях маскировки, увидеть или услышать в ночном лесу ты ничего не мог, эротическими снами делиться не любишь, значит...

Владислав Валерьевич привычно потербил короткую седую бородку.

– Ну-ну, – подбодрил Николай.

– Неужели ты попытался подумать и у тебя получилось? – Добрецов иронично хмыкнул.

– Мимо! – Подыгрывая ему, генерал шлепнул тылом кисти по ладони.

– Тогда сдаюсь. – Владислав развел руками. – Будь ты Барковым, я бы заподозрил, что ты ненадолго заглянул во внесетевую виртуальность, но ведь ты не биокомп, запредельные мистические пространства – не твоя стихия.

– Ах, какие красивые слова, – Николай мечтательно вздохнул, – журчат, будто родниковая вода. «Виртуальность», «биокомп», «стихия»! Спустись со золотой цепи на грешную землю, кот ученый.

– Но-но!

– Что «но-но»? S-почта, мой дорогой Ватсон, элементарно!

– Не понимаю. Она приходит только на работающие смарты.

– Ну-у, – Сотников загадочно улыбнулся, – у каждого свои секреты.

– Коля, если ты нас засветил...

– Спокойно! Все учтено. Во-первых, я воспользовался твоим «сто двенадцатым» и вышел в эфир через «Палладиум». Во-вторых, прием сообщения любого объема длится доли секунды,

а затем смарт автоматически вырубается. Точно определить местоположение аппарата за такое время не способен даже «Невод».

– А неточно?!

– А неточно он и так знает, что мы «где-то здесь». Площадь поиска десять на десять, то есть сто квадратных километров. Удовлетворен?

– Ты мне жена, что ли? – буркнул Добрецов. – Ладно, что теперь поделать. От кого письмо?

– От преемника моего. Нас не особо почитающего, но верного начальству, то есть директору, который... – Генерал неопределенно помахал рукой и понизил голос. – Хорошая новость, Влад. Контора нас не бросила. Пока особой помощи ждать не приходится, но если выберемся...

– Когда выберемся, – исправил Добрецов.

– Ну да, вот когда выберемся, первым делом надо будет с Геней связаться. Ему Тимофеев собирается дать в подчинение группу товарищей, которые уже завтра начнут рыть носами под коп под «клуб олигархов» и прочую публику вокруг Главного. Соображаешь?

– Да. Это, конечно, обнадеживает, только... Фигня все это, Коля.

– Как так?! – изумился Сотников. – Что ты говоришь, родной?! Температуришь?

– Поясняю, – спокойно ответил Владислав. – Сбор улик против «клуба» – мероприятие запоздалое, а потому бессмысленное, поскольку Главный и «клуб» УЖЕ атакуют. Переворот, который собираются «предотвратить» твои доблестные бывшие коллеги, идет полным ходом. И не только в стране, но и во всем мире.

– Погоди. – Генерал ошарашенно помотал головой. – Переворот? Ты вроде говорил о техноэпидемии, или как там ее...

– Можешь назвать это Мировой технократической революцией, а можешь вообще концом света. Разницы нет. Нам сейчас важны не ярлыки, а опережающие противника мероприятия.

– Ну, то есть Тимофеев со своими инициативами пусть гуляет? – обиделся Николай Николаевич. – В связи с убытием поезда и охлаждением рельсов. Так?

– Нет, Коля, не так. И Тимофеев, и Евстратов сейчас нужны нам до крайности. Особенно ценно, что они в Москве и вольны действовать, как им угодно. Просто нужно направить их по верному следу. Чтобы они не тратили время на отработку шлама.

– Я понял. В целом. Ты скажи, если так, на чем конкретно сосредоточиться?

– Не на чем, а на ком. На самом важном для нас человеке, мистер Холмс, на Михайлове. Пока мы выбираемся из леса, они должны... нет, обязаны найти место, где содержат нашего основного свидетеля, и прокачать все варианты его освобождения из-под опеки новой СБН. Вот тогда мы вырвемся вперед и получим реальный шанс переиграть команду Главного на ее поле. Элементарно.

– Другое дело, – удовлетворенно пробурчал генерал. – Тимофеев вряд ли будет сильно напрягаться, зато Евстратов прокачает, будь спокоен. Он хоть и хмурый тип, но дело свое крепко знает. На привале зашвырну генералу «эску», попрошу, чтобы выпускал Евстратова в свободное плавание, да побыстрее.

– Не будет привала, Коля. Не забывай, кто по следам идет.

– Любишь ты вводные усложнять. – Сотников вздохнул. – Ладно, отправлю на ходу.

– А в этом я не просто сомневаюсь, Коля, я уверен, что у тебя ничего не выйдет.

– Получить же вышло!

– Не путай движения туда и обратно. Система «ниппель». Все входящие бесплатно, а исходящие – глушатся. Для зоны боевых действий – нормальный сценарий. Так что смиришься, Николай Николаевич. Единственное, что мы можем отправить Тимофееву, – послание с гонцом.

– Что нереально вообще! – фыркнул Сотников.

– Вот именно, нереально, поскольку единственный, кто способен отсюда выбраться, – Барков, а он в рейде.

– Через три часа вернется.

– Если вернется. – Добрецов покачал головой. – Ты же видел, в каком он состоянии.

– И что делать?

– Не терять надежду и выбираться всем вместе.

– Э-эх, грехи наши тяжкие! Вот так всю жизнь: то облом, то бурелом. Скорей бы на пенсию, что ли...

Глава 2

Москва, 14 сентября

Погода испортилась ближе к полудню. Сначала сменился ветер, а чуть позже зарядил мелкий дождик. К финалу рабочего дня на улице стало окончательно неуютно. Выбраться из машины решительно не хотелось, но пришлось. Рядом с «Маздой» Евстратова припарковались две большие черные «Ауди», и полковник понял, что просьба о встрече, отправленная по запасной линии связи, не осталась без внимания высокого начальства. За тонировкой было не рассмотреть, кто приехал на «тайную вечерю», но, судя по машинам, кто-то особо важный. Может быть, сам Тимофеев, начальник УФСБ по Москве.

Евстратов выбрался из машины и поднял воротник куртки. Дождь превратился в изморось. В воздухе повисла пелена мельчайшей водяной пыли, словно бы из гигантского атмосферного пульверизатора.

Задняя дверца ближайшей «Ауди» открылась, и полковник охотно сел в удобное кресло. На другом сиденье, за символическим барьером в виде широкого кожаного подлокотника, действительно расположился Тимофеев – мужчина крупный и предельно серьезный, даже суровый. Евстратов знал его лет десять и не мог припомнить ни одного случая, когда генерал позволил себе улыбку или хотя бы приветливый кивок. В отличие от прежнего начальника, Николая Николаевича Сотникова, нынешний держал на расстоянии даже особо проверенных товарищей. А уж Евстратова, вечно «мальчика для битья», хотя и целого полковника, Тимофеев вообще никогда не подпускал к своей высокой кухне ближе, чем на пушечный выстрел. Тем ценнее было оказанное генералом внимание.

Евстратов поправил воротник и коротко откашлялся.

– Здравия желаю, товарищ генерал.

– Здравствуй, Геннадий Петрович. – Тимофеев испытующе взглянул на подчиненного, словно бы надеясь «расколоть» его по одной только мимике. – Я получил ваш рапорт. Занятно излагаете.

– Это заслуга одного из наших агентов в команде Добрецова. Я только добавил несколько комментариев к его записям.

– Логинов, да? – генерал кивнул. – Мы внедрили его в СБН около года назад с санкции Николая Николаевича. Кажется, он исчез. Вы не пытались его найти?

– Нет. Оперативная обстановка не позволяет распыляться.

– Знаю. – На лице Тимофеева появилась гримаса неудовольствия. – Но хочу, чтобы вы нашли Логинова. Как раз учитывая оперативную обстановку, он может быть полезен.

– Если он не улетел вместе с Добрецовым и его командой.

– По нашим сведениям, среди беглецов его нет. Впрочем, мы отвлеклись. Предыстория текущих событий была нам известна давно, хотя и без подробностей, которые Логинов записал со слов Баркова. В этой связи наиболее интересной представляется часть текста, посвященная последним событиям. Ее написали вы, не так ли?

– Да, Иван Павлович. И предварительные выводы тоже мои.

– Неплохой анализ, – неожиданно похвалил Тимофеев.

Полковник даже слегка растерялся. Он ожидал чего угодно, только не похвалы. Хотя, если учесть, что генерал выкроил время для встречи в таком, мягко говоря, необычном формате, о чем-то подобном Евстратову следовало догадываться.

Тимофеев принял игру тайного «клуба богатеев» и стоящего за ним Главного заговорщика, но Контора не была однозначно на стороне новых хозяев «Невода». Генерал тщательно взвешивал все «за» и «против». Значило ли это, что начальник Управления по Москве сомневается в правомерности распоряжений директора или же он действовал как раз по его приказу? Евстратов этого не знал. Второе представлялось более вероятным. Из этого следовало, что и директор ФСБ, и его непосредственный начальник, президент, пока не знают, как реагировать на изменение ситуации вокруг «Невода». Страусиная попытка игнорировать проблему провалилась, и высшая власть пыталась разобраться в новых реалиях, чтобы снова не остаться в дураках, как это случилось в июле, во время кризиса, едва не закончившегося мировой войной.

– Спасибо за оценку, – наконец ответил Евстратов. – Правда, анализ не мой профиль, но...

– Вы справились, – закончил Тимофеев, интонацией подчеркивая, что больше дифирамбов не предвидится. – Вот почему я приехал сюда лично и разговариваю с вами, сидя в специальной, защищенной машине.

– Защищенной от чего? – не удержался полковник. – От прослушивания?

– От всего, – генерал нахмурился.

Любые отступления от строжайшей субординации были ему не по нутру, как водка язвеннику. Но все-таки он не оборвал Евстратова, а потому полковник продолжил, и гораздо смелее, чем прежде:

– Прослушивание не в счет. Равно как и наблюдение «Невода». Наш главный враг – вездесущие, объединенные в Систему нанороботы. Насколько я понял из материалов дела, единственной защитой от Системы могут служить нанороботы с программой С4НП, как говорится, клин клином, но их было выпущено крайне мало, а сами они не умеют воспроизводить себе подобных, как, например, нанороботы-ассемблеры модификации С2Н – основа Системы.

– Система, – генерал поморщился. – Опять эта сказка про белого бычка. Вы сами-то видели этих... нанороботов?

– Я видел, что они умеют. Мы все это видели в июле. Считаю неверным недооценивать проблему. Заговор Главного – это не обычный шпионско-дипломатический клубок, это реальная экспансия через Сеть и «Невод» посредством Системы, которая, к слову, состоит не только из нанороботов. Система – это двойной комплекс. «Наны» – ее материальная составляющая, а специальные программы взлома и переподчинения – виртуальная.

– Не собираюсь забивать голову этими деталями, – отмахнулся Тимофеев. – Двойной, тройной... разницы нет. Меня волнует лишь один вопрос: степень опасности Системы для государства. Если она снова собирается захватить всю технику на планете и пользоваться ею по своему усмотрению, она опасна. Если речь идет всего лишь о незаконном проекте формата ГРИД, то это работа для веб-отдела Интерпола. Конечно, не без нашего участия, но в меру.

– Речь идет именно о захвате, экспансии или электронно-механической эпидемии, – уверенно произнес Евстратов. – Назвать этот проект можно как угодно. Если «антихакеры» из отдела «N» считают, что Система – это своего рода глобальный ГРИД-проект, ради бога, назовите ее так. Главное, помнить, что и она, и ее хозяева опасны. Только один факт: собранные под эгидой Системы ресурсы никогда не будут возвращены хозяевам в прежнем виде. Большая часть мощностей Сети и «Невода» навсегда останется в распоряжении Системы. В первую очередь это будут ресурсы исследовательских и военных центров, но достанется и рядовым пользователям. С помощью сложнейших – спасибо Лэнгли – программ и при поддержке вездесущих микроскопических контролеров Система превратится в гигантского электронного спрута, в глобальный суперкомпьютер с миллиардами процессоров, решающий самые сложные задачи. В этом смысле активация Системы станет действительно грандиозным ГРИД-проектом. Вот только развернут он будет не в наших интересах. И даже не в интересах инвесторов Системы. Они думают, что Система решит их проблемы, позволит им обогатиться и избавиться от все-

мирного соглядатая «Невода», но они жестоко ошибаются. Единственный, кто может рассказать о конечной цели игры, – Главный, но если взглянуть со стороны, то небольшой сектор этой цели можно увидеть и без его признаний. Я указал этот сектор в рапорте.

– Помню, помню. – Тимофеев задумчиво уставился в окно. – Геноцид. Из десяти миллиардов уцелеет от силы один. Так?

– Даже если уцелеет половина, от этого не легче. – Полковник пожал плечами, но схватился и пояснил: – Главный желает стать Единственным. Хозяином мира, восседающим на Буцефале, безжалостно топчущем непокорных и ненужных. В отличие от полководцев прошлого, он реально близок к своей цели. Ведь что ему осталось, если вдуматься? Дождаться, когда в секретных лабораториях наномашин-ассемблеры наштампуют еще несколько сот триллионов себе подобных нанороботов новейшей конфигурации – для подавления живой силы противника, – и подлатать оставшиеся после июльского разгрома дыры в Сети. На это потребуется не так уж много времени. Так что новая атака не за горами.

– Вряд ли ему это позволят. – Тимофеев усмехнулся. – Возможно, вы не догадываетесь, полковник, но в мире очень много серьезных людей и структур, которые не позволят ему и его спонсорам...

– Виноват, товарищ генерал, кому не позволят? – вконец осмелел Евстратов.

– Ему, ему, – генерал снисходительно взглянул на Геннадия, – этому Главному, хозяину Системы.

Он наткнулся на взгляд Евстратова и осекся.

– Э-э, я не расслышал, кому? – добил генерала полковник.

– Черт! – Тимофеев поиграл желваками. – Черт бы побрал эту Сеть и вообще всю эту техническую революцию! Не люди кругом, а виртуальные невидимки! Десять миллиардов невидимок! Вместо лиц цифры, а вместо тел «ники». Арестовать толком некого. Выходит, нас могут захватить и вырезать, как гриппующих кур, а мы даже не узнаем, кто это сделал?!

– Запросто. – Геннадий невесело усмехнулся. – Если вы прочитали размышления Баркова, то легко вспомните, как он мучился, пытаясь вычислить Главного, и так же легко поймете, почему это ему не удалось.

– Главный... виртуальная личность?

– Нет, товарищ генерал, он человек. Но дело в том, что у него вовсе нет локального «виртуального отражения». Вот вы досадуете, что сейчас почти все люди на планете, несмотря на вживленные чипы, биометрические и прочие базы данных, а также внимательный, почти родительский присмотр «Невода», все равно словно невидимки. Правильно досадуете, все так и есть. Ведь в Сети они обезличены, а девять десятых их жизни проходит именно там. Главный же – невидимка в кубе. Он плетет свои интриги целиком и полностью через Сеть и «Невод», да к тому же имеет отличную программу «деидентификации», которая перебрасывает сигнал с компа на комп по всему миру. Я почти уверен, что он видит и слышит все, что улавливают спутники и нанороботы, оставаясь недосягаемым для программ электронного контршпионажа. Верно?

– Верно, верно, – сдался Тимофеев. – Всё вы говорите правильно. И выводы, что в рапорте, что сейчас, делаете правильные. Не слышу только предложений. Что вы конкретно можете сделать?

– Лично я или мы все?

– Лично вы.

– Могу... – Евстратов задумчиво потер подбородок. – Могу уйти в отпуск.

– Угу. – Тимофеев поднял указательный палец. – Вы, Геннадий Петрович, схватываете на лету. Я, признаться, к этому и вел.

Две похвалы за полчаса были явным перебором. Евстратов вдруг отчетливо понял, что его в очередной раз подставляют под раздачу. Хотя тут уместнее будет сравнение с подножкой и падением в воду. Выплывешь – молодец, орден тебе и лампасы, утонешь – твои проблемы.

– Но одному мне будет скучно отдыхать.

– Найдем вам компанию. Небольшую, но для отдыха в самый раз. Раз нельзя поймать виртуального невидимку, попробуем разогнать его подручных. Наверху давно недовольны этим тайным «клубом». Слишком уж много себе позволяют граждане толстосумы. Повода не было их прижать. Ну а теперь, если они действительно участвуют в аванюре...

– Вы же знаете, что участвуют. С их помощью Главный проник в «Невод»!

– Пока не доказано, что это вообще аванюра. А инцидент в «Неводе» – это внутреннее дело корпорации. Что там произошло, мы можем судить только по пресс-релизу, а в нем сказано: Михайлов – добровольно! – сместил Добрецова с поста начальника СБН и назначил на его место Бойда. Вот и все. Ни о какой стрельбе или там заговоре ничего не сказано. И кто куда проник – тоже неясно. Проводились совместные учения спецназа, МЧС и СБН – отсюда шум посреди Сити, – и по их результатам руководством «Невода» были сделаны оргвыводы. Все шито-крыто.

– Белыми нитками и гнилой дерюжкой! – фыркнул Евстратов. – Я там был, видел эти учения. Два десятка трупов и десант из «диких гусей» во главе с мистером Блэком. Уверен, он и есть наш неуловимый невидимка. А Михайлова силой заставили подписать бумаги. Сам бы он до такого не додумался. В общем, сплошная уголовщина. Захват частной собственности с массовым убийством.

– Не знаю, не знаю, прокуратура ничего не возбуждала.

– Потому что куплена «клубом». И менты с его рук едят. А теперь и репортеры будут. Ведь «Невод» отныне под Главным.

– Тоже голословно. Вы учтите, Геннадий Петрович, нам нужны не выводы и личные впечатления, а крепкие доказательства.

– Будут. – Евстратов хлопнул по кожаному подлокотнику. – Из принципа доведу дело до конца. Из вредности.

– В отпуске можете вредничать сколько угодно. – Тимофеев сменил позу, давая понять, что беседа подошла к концу. – На Крымском валу есть одна небольшая перевалочная база...

– Я знаю эту квартиру. Ее вроде бы сняли с баланса еще год назад.

– Вроде бы. После двадцати одного она ваша. Другие «отпускники» подтянутся к полуночи. Все, что нужно, они подвезут. В том числе и капсулу с десятком агломератов С4НП. Подарок вашего приятеля Добрецова.

– Подарок ли? – Евстратов усмехнулся.

– Удачи, полковник. – Тимофеев отвернулся и, уже глядя в окно, добавил: – Если все обстоит, как вы говорите, дело дрянь, но время еще есть. Мало, но есть. Сегодня у нас среда... Жду от вас результатов не позже следующего четверга, поскольку в пятницу, думаю, дергаться станет бессмысленно. Можете идти.

Евстратов вышел, аккуратно прикрыл дверцу «Ауди», нырнул в салон своей «Сенсу дельта» и стер с лица водяную пыль. Дождь окончательно превратился в нечто стопроцентно влажное, но никакого отношения к нормальному дождю не имеющее. Комп машины включил слабый обогрев в сочетании с сильным, но непрямым обдувом. Ровно через минуту волосы и одежда хозяина практически высохли. Полковник привычно ткнул в экран навигатора, выбрав в меню «Сервис» строчку «Кофемат». В нижней части кокпита едва слышно зажужжало, и на лотке бара появилась чашка ароматного кофе. Одновременно зазвучала любимая хозяйская музыка. Поскольку штатную аудионачинку для «Мазды» творили кудесники из легендарной фирмы «Пионер», звук был отличный. Под стать кофе. Евстратов загружал в кофемат только лучшие сорта, пусть это и влетало ему в копеечку, то есть в евроцент.

В салоне воцарилось умиротворение на грани нирваны. Душевное равновесие, пошатнувшееся было в результате напряженной беседы с начальством, тут же восстановилось. Роботизация машин нравилась Геннадию в первую очередь тем, что создавала иллюзию всемогущества. Понятно, что это заслуга инженеров и компьютеров, но все равно приятно чувствовать себя повелителем машин. А что может быть лучше для восстановления душевного равновесия, чем ощущение собственного величия, пусть и мимолетное? Лично для Евстратова – ничто. Гордыня? Возможно. Только разве это плохо? Если в разумных пределах.

«В этом-то и проблема. – Евстратов отхлебнул кофе и задумчиво уставился в спроецированный на половину ветрового стекла экран навигатора. – На этом меня постоянно и ловят. И в отдел «С-3» когда-то так же затянули, и в эту историю я вляпался из-за гонора своего треклятого. И ведь не отступлю теперь тоже из-за него. Понимаю, что это все неразумно, а не отступлю. Что за характер?!»

По экрану навигатора в «фоновом режиме» бежали кадры дорожных сводок, строчки сетевых новостей и в левом верхнем углу светилось уменьшенное «окно» постоянной связи со следящими спутниками. Внутренние камеры «Мазды» уловили, куда смотрит хозяин, и навигатор увеличил кадр. Вид парковки и выделенной красной рамкой полуспортивной машины Евстратова, переданный с космической высоты, был предельно четким и детальным. Красота. Только один вопрос – знают ли те, кто теперь владеет этой замечательной спутниковой сетью, что задумал якобы отправленный в отпуск полковник? Если да, то машину, к сожалению, придется сменить. Причем на что-нибудь неприметное, а значит, и не такое комфортное и быстрое. К примеру, на штатный «Форд. ру» с экономичным, но слабоватым газовым движком или русско-китайскую «Чери Гидро» на топливных элементах.

Геннадий с сожалением вздохнул. Для спецопераций маздовская «Сенсу дельта» с классическим гибридно-роторным двигателем была, понятное дело, наилучшим вариантом, но слишком уж заметным. Это мистер Бонд в знаменитом кино вот уже сорок серий подряд без зазрения совести гоняет на суперкарах. Реальная же агентура на нелегальном положении не имеет права выделяться из толпы.

Евстратов знал об этом не понаслышке. Он уже бывал на «нелегальном», во время войны семнадцатого года. Он тогда работал в составе совершенно секретной группы «Смерш-3», которая незаметно для окружающих вылавливала провокаторов и шпионов в приграничных районах и вблизи особо важных стратегических объектов. Россия не участвовала в той войне, но на ее территории велись невидимые шпионско-дипломатические сражения, значившие для сцепившихся, как два бульдога, Штатов и Китая очень много. Возможно, не меньше сетевых баталий или реального вооруженного противостояния в Тайваньском проливе.

Работенка у «смершевцев» была, надо признаться, нервная. Брать импортных «дипломатов» и всяких «торговых представителей» требовалось так, чтобы не испортить отношения ни с одной из воюющих, а потому особо нервных и чувствительных к телодвижениям «нейтралов» держав. И это при том, что каждый второй из отлавливаемых «объектов» был профессионалом высокого уровня. Сдаваться без боя или хотя бы без международного скандала шпионы решительно не желали. Страшно вспомнить, каких усилий стоило каждое «бесшумное» задержание. Теперь о тех временах и отважных контрразведчиках пишут завиральные книги и снимают лихие фильмы с погонями и перестрелками, а тогда все старались делать без героического пафоса, просто аккуратно и эффективно.

Конечно, не «Смершем» единым были представлены «силы противодействия провокациям и втягиванию страны в военное противостояние Востока и Запада», как впоследствии коряво формулировались заслуги «смершевцев» и их «смежников» в наградных листах. Сдерживать расширение конфликта приходилось всеми силами, и это спецслужбам, в том числе отделу «С-3», удалось. С тех пор бывшие участники спецоперации стали чем-то вроде особой касты, легендарной межведомственной элиты. Их не могли уволить и даже серьезно наказать

ни за какие грехи. Собственно, именно по этой причине Евстратов до сих пор служил Родине, имея в послужном списке ряд несовместимых со службой «залетов». Фактически все они были спровоцированы новым начальством, тайно завидовавшим иммунитету бывших «смершевцев», но формально...

«Сотников никогда себе такого свинства не позволял, – подумалось Евстратову. – Он нашу братию уважал, хотя сам всю войну прослужил в другом отделе. Зря он ушел в СБН. Хотя это наверняка было согласовано с директором. Непонятно только, что ж теперь Николая бросили на произвол... Системы?»

Полковник отправил опустевшую чашку в конвертер, где она мгновенно превратилась в мизерный комочек пепла. Теперь можно было ехать на закрытую стоянку прокатной фирмы «Столица», располагавшуюся неподалеку от ВВЦ, на Звездном бульваре. Сменив авто, имело смысл покататься где-нибудь в районе Сокольников, а затем двигать на мало кому известную явку в районе станции метро «Октябрьская».

Путь предстоял неблизкий и напряженный, поскольку маршрут пролегал через центр, а воздушной подстраховки не предвиделось. Если угораздит застрять в пробке, вызвать вертолет-эвакуатор не удастся, ведь у начавшейся операции не было отдельного бюджета, а на отпускные офицера ФСБ сильно не полетаешь. До полуночи, конечно, оставалось много времени, но тратить его на унылое созерцание придорожной рекламы не хотелось.

Геннадий мысленно проложил пару объездных маршрутов, прикинул, сколько потеряет или выиграет времени, и, удовлетворенный результатами расчетов, ткнул в сенсор селектора «коробки». Давать машине голосовые команды он не любил. Сказывалась привычка мало говорить вне «ковра».

Выбор пал на экономичный городской режим. «Мазда» послушно включила требуемый вариант «драйва» и покатила к выезду с парковки, причем именно к тому, который был нужен полковнику. Мысли хозяина машина не читала, но в навигаторе почему-то высветился оптимальный маршрут именно до «Столицы».

Евстратов сначала насторожился, но потом успокоился. Приступ профессиональной паранойи не имел под собой веских оснований. Коротая время до встречи с начальством, Геннадий прокачал несколько алгоритмов дальнейших действий, пользуясь компом-навигатором «дельты». Вариант получения от шефа «добра» на операцию и смены авто был последним из рассмотренных. Вот и все объяснение полумистической сообразительности навигатора.

Полковник лениво положил руку на «баранку» – чисто для настроения – и номинально включился в процесс езды. «Мазда» и без него отлично справлялась с задачей, ведь проспект Мира был оборудован новейшими системами регулировки транспортных потоков, да и «Невод» держал виртуальную руку на электрическом пульсе всех автомобильных компьютеров, но, сидя за рулем почти спортивной машины, хотелось побыть пилотом, хотя бы понарошку.

Не прошло и минуты, как Евстратов сменил позу и положил на «баранку» обе руки. Он пока не понял толком, что происходит, но почувствовал смутное беспокойство. В потоке машин чего-то не хватало или же, наоборот, появилось что-то лишнее, не характерное для вечернего проспекта, – полковник сообразил не сразу. Он приказал навигатору увеличить объемную картинку с камер заднего вида и внимательно изучил движущиеся параллельным курсом машины.

Причина беспокойства обнаружилась почти сразу – на хвосте у Евстратова повисли три черных «Мерседеса». В том, что это именно «хвост», а не стечение обстоятельств, Геннадий не сомневался ни секунды. Глаз у полковника безопасности был наметан. Однако он не поленился заглянуть в идентификационную базу дорожной инспекции. Как он и ожидал, никаких данных на этих трех «воронях» известной породы в ней не оказалось. «Невод» вообще не признавался, что видит преследующие Евстратова машины. О подобных фокусах Геннадий уже

слышал от Добрецова, но лично с «преднамеренной слепотой» якобы всевидящей спутниковой сети сталкивался впервые. Косвенная улика была налицо: «Невод» покрывал подручных своего нового хозяина.

Евстратов негромко пробурчал: «Дельта, спорт-драйв» – и приготовился к автослалому в плотном потоке и с максимальным ускорением. Начать гонки следовало до эстакады, расщепляющей проспект Мира на два транспортных уровня. В этом случае у полковника появлялся дополнительный шанс: в последний момент уйти вверх (или вниз), стряхнув с хвоста хотя бы одну из преследующих машин.

Водители в черных «меринах» оказались тертыми калачами и на детскую уловку полковника не повелись. Они взлетели следом за его «Маздой» на эстакаду и начали сокращать дистанцию. Теперь стало понятно, что их целью была вовсе не профилактическая слежка за Евстратовым. Скорее всего, они каким-то образом узнали об истинной причине его «отпуска» и решили поставить чересчур ретивого полковника на место. Геннадий беззвучно выругался и приказал компу переключиться на доступ к Сети через МТС. Это, конечно, не могло обмануть «Невод», но хотя бы гарантировало, что он не обрубит связь в самый неподходящий момент. Хотя эти сети и сотрудничали теснее некуда, но кое в чем оставались самостоятельными.

Поиск в секретных базах данных увенчался успехом, хотя, судя по затраченному времени – целых пять секунд! – скрытое противодействие все же было. Информация, которой не оказалось в открытом доступе автоинспекции, нашлась в базе ФСБ, в директории «Смежники». Все три машины принадлежали особому подразделению правительственной охраны, а вовсе не СБН, как сначала предположил Евстратов. Это наводило на мрачные мысли. Но раз уж полковник узнал, кто его преследует, отступить было поздно. Оставалось выкручиваться.

«Выкрутился шуруп из дерьма, – Евстратов тяжело вздохнул, – сначала вымазался до шляпки, а потом и вовсе утонул».

Дорога плавно ушла влево, и шпиль Останкинской башни, мелькавший вдалеке по правому борту, переместился в поле зрения кормовых камер. До съезда с желоба эстакады оставалось совсем немного. Особого оперативного простора на нижнем уровне не открывалось, но хотя бы «не особый» – и то хлеб. Разумнее всего было гнать до Суцевского вала и уже там решать, в какую подворотню прятаться, но Геннадий подозревал, что от него, как от профессионала, ожидают именно таких маневров. Чтобы уйти от навязчивого эскорта, следовало совершить какую-нибудь тщательно продуманную глупость. Выкинуть этакое любительское коленце. В стиле Джеймса Бонда.

Левые повороты исключал разделительный барьер, оставались четыре-пять правых и затем либо новые гонки по Третьему кольцу, либо маневры в районе Рижского вокзала. Но эти варианты опять же были слишком очевидны. Значит, следовало «счудачить» немного раньше.

Да вот хотя бы сейчас! Геннадий ударил по педали газа, полностью переводя управление машиной на себя, и, не реагируя на протесты навигатора, бросил «Мазду» в узкий промежуток между плетущимися в левом ряду машинами и разделительным барьером. Там не было полноценной экстренной полосы, но для «дельты» этой щели вполне хватило.

Ни один из трех «Мерседесов» класса «S» за «дельтой» не последовал, просто не рискнул. Не те габариты. За счет нехитрого маневра Геннадий выиграл у филеров пару сотен метров, затем сбросил скорость и резко ушел вправо. Расчет оказался точным до сантиметров. Евстратов даже слегка взопрел – «Мазда» едва не снесла ограждения, вписываясь в поворот. Но сработала система курсовой коррекции, и все обошлось. Едва машина выровняла движение, полковник снова резко крутанул «баранку» вправо. В результате нового маневра «дельта» оказалась на Большой Марьинской и помчалась параллельно проспекту Мира в обратном направлении.

Видимо, преследователи не ожидали от солидного полковника такой юношеской прыти и потому позорно отстали. А ведь должны были ожидать, хотя бы исходя из того, что он ездит на

нестандартной машине. Психологический портрет рисовать не надо – все ясно и так. Да, владельцы «дельт» не летают, как «птицы высокого реактивного полета» на «Феррари» или «Мазерати», и не носятся, как на «Поршах», пытаясь оторваться от комплексов «среднего класса». Но все равно «дельта» не семейный минивэн, не обывательский кроссовер и не деловой седан. Это почти спортивная машина для ценителей-одиночек: серьезных, чуть замкнутых людей, которые точно знают, что следует ценить в этой жизни кроме нее самой. Для тех, кто ничего никому не доказывает, но когда потребуется, может притопить так, что... догоняй, если интересно. Вот Евстратов – серьезный, внешне неторопливый и угрюмый – и притопил. Да не просто так, а поймав опытных агентов на детской уловке.

– «Дельта», обгони стереотипы! – Евстратов хмыкнул: – Надо будет отправить в компанию слоган, вдруг пригодится?

Маневренность и нестандартность машины позволили выиграть не больше минуты, но этого вполне хватило, чтобы оторваться. Вскоре Евстратов все-таки оказался на Звездном бульваре, но на ходу поменял первоначальный план и в «Столицу» заезжать не стал. Что толку? Выследят, хоть ты десять раз смени машину. Действовать на опережение – вот единственный рецепт от головной боли, возникшей по милости «Невода» и его хозяев.

На секретную квартирку Геннадий еще вполне успевал, значит, надо ехать туда как можно скорее. Забрать оборудование, капсулу с «подарком» от Добрецова и смыться, пока до явки не добрались преследователи. Где и как потом собирать команду «отпускников» – вопрос десятый. До утра что-нибудь придумается. Все равно раньше операцию не начать.

Глава 3

Вашингтон, 14–15 сентября

Никто не заставлял Дану Гершвин ехать в Вашингтон, даже не намекал на это. Повинуясь какому-то мистическому позыву, она вдруг сорвалась с места и, никого не предупредив, на ночь глядя, отправилась в столицу. Зачем, почему – она толком не понимала, просто чувствовала, что так надо. Кому надо? Наверное, ей самой и Питу. Игра гормонов накануне климакса? Жестоко, но следует признать, что возможно и это объяснение. Сорок пять – не возраст, но учитывая наследственность... Мама вошла в этот сложный для любой женщины период в сорок семь. Тетушка Сара чуть позже, в пятьдесят, но это с ее слов, вероятно, она чуть приукрасила. И все же обоснованность утверждения, что к Питу тянут гормоны, не была очевидна.

Во-первых, никакого безумного сексуального желания Дана не испытывала. Да, влечение было, симпатия, возможно даже любовь, как ни банально это звучит, тоже, но возраст и опыт накладывают свои отпечатки на все стороны жизни человека. Мисс Гершвин давно научилась контролировать эмоции и отделять работу от личной жизни. Она не имела жестких внутренних табу на служебные романы, но! Одно дело зарождение связи, другое – ее развитие. Раз уж отношения с Питом перешли из служебной плоскости в личную, там им и оставаться. Во время работы, как и прежде, Дана была намерена думать только о деле и ни о чем другом. И вдруг такой поворот! Сбежать, никого не оставив в качестве подмены и даже не позвонив Герберту, начальнику отдела, было необъяснимым легкомыслием.

Во-вторых, почему бы просто не позвонить? Пит, правда, не отвечал вот уже четвертые сутки, но ведь, если постараться, можно найти его и через другие сетевые каналы. Через базу «ай-ди» или спутниковую сеть, в конце концов. Почему странное тревожное чувство не только подталкивало сестру за руль и отправиться в округ Колумбия, а еще и строго запрещало наводить справки традиционными способами? Может быть, в душе Дана опасалась, что их роман с Питом Фоули закончился банальным бегством кавалера? Боялась выглядеть глупо в глазах незнакомых людей? Вот как раз этого бояться было глупо! Нет и еще раз нет! Мисс Гершвин никогда не стеснялась таких вещей. Это ведь жизнь, в ней много чего случается, и необязательно по нашей вине или потому, что мы глупы, наивны и доверчивы. Хотя чаще всего причина именно в этом.

И все же внутренний стопор не имел отношения к психологии взаимоотношений полов. Что-то в нем было от профессиональной деятельности Пита и отчасти Даны. Фоули работал в АНБ, и его внезапное исчезновение могло быть связано как раз с работой. Но тогда вообще нет причин для беспокойства! И все же Дану это объяснение не устраивало. Она хорошо знала специфику службы, ведь работала в экспертном отделе той же конторы и отлично понимала, что агентов вроде Фоули не забрасывают в стан врага под прикрытием и уж тем более не заставляют их давать обет молчания. Пит давно перешел на относительно спокойную легальную работу, которая всегда оставляла хотя бы пять минут на кофе-брейк или телефонный звонок семье. В данном случае – мисс Гершвин.

Финалом всех этих размышлений, как Дана ни крутила, стала неприятная мысль о каком-то инциденте, возможно, аварии, бытовой травме или случайном ранении. Вот почему она отправилась в Вашингтон лично, а по пути запросила у навигатора список больниц, в которые могли увезти Пита. Благо, что людей с правительственной страховкой обычно доставляли в строго определенные клиники и объехать их несложно за полдня. Дана в очередной раз удивленно взглянула на запястье. Было непривычно видеть бездействующим тоненький браслетик

проекторного смартфона (смарт-серьги она не любила), так привычно служивший незаменимым помощником в любых делах. Сейчас он служил только украшением, не более.

Дана понимала, что «объехать» – на три порядка дольше, чем «обзвонить», даже в Вашингтоне, компактном и тихом после Нью-Йорка, но побороть свою странную настроенность не могла.

«Но ведь ничто не мешает компьютерам клиники передать в Сеть информацию, что кто-то лично интересовался Питом, – подумала Дана, въезжая на стоянку перед главным корпусом «Джексон Мемориал Хоспитал», – а значит, довести информацию до тех, кого я опасуюсь. Да и почему «кто-то»? Любой сканер мгновенно определит, кто я такая, стоит мне войти в холл клиники. Не биометрический FIF-сканер, так генный».

Машина самостоятельно нашла свободное место и припарковалась почти у входа. До пандуса, по которому к приемному отделению подъезжали кареты «неотложки», оставалось не больше пяти метров, только-только чтобы втиснуть сюда еще одну машину и оставить проезд. Дана почему-то отметила про себя этот момент и выбралась из авто. Надеяться на удачу она не привыкла, но сейчас надеялась именно на нее. «Джексон» был первым госпиталем, попавшимся на пути. Никакой гарантии, что Пита, если с ним не дай бог что-то случилось, привезли именно сюда.

Мисс Гершвин нервно поправила деловой жакет и решительно двинулась к стеклянным дверям клиники. Маячивший за тонированным стеклом охранник – при современном развитии автоматических систем безопасности скорее живая дань традиции, чем действительно необходимый сотрудник, – тут же вышел навстречу и вежливо улыбнулся. Справа от входа на стене коротко мигнул миниатюрный красный огонек FIF-сканера, и лицо охранника на секунду сделалось сосредоточенным. Все ясно – получал информацию о госте. Дана притормозила и, удовлетворенно отметив изменения в гримасе охранника, проследовала к стойке регистратора. Страж вернулся в свой угол, явно недовольный. Что и говорить, когда рушатся даже минимальные надежды, это неприятно. Охранник определенно надеялся развеять скуку, переброшившись парой фраз с эффектной дамочкой из Нью-Йорка, а она оказалась экспертом АНБ. Ни тебе «Чем могу помочь?», ни «Позвольте ваш «ай-ди», а в ответ на удивленное «Разве FIF-сканера недостаточно?» многозначительно выгнуть бровь и загадочно сослаться на инструкцию о двойном контроле: «Столица, знаете ли, особый режим безопасности». Ну и, возможно, еще что-нибудь в этом ключе. Развлечение так себе, но все равно причастность к жизни по ту сторону стекла.

Дана всегда жалела охранников и сборщиков на конвейере. Работа не должна быть настолько скучной, лучше уж вовсе не работать. Впрочем, как ни отстаивали их права профсоюзы, и тех и других (и соответствующих профсоюзов тоже) с каждым годом становилось все меньше. Львиная доля заводов уже давно работала в автоматическом режиме – из персонала два-три контролера-наладчика и дежурный инженер, а охранники выполняли большей частью представительские функции. Вот как этот. Но и тут не все хорошо. Даже эти функции у них постепенно отнимают роботы-швейцары и порталные системы безопасности. Биометрический FIF-сканер, как можно понять из аббревиатуры, изучает отпечатки пальцев, рисунок сетчатки и «рельеф» лица, а заодно дистанционно считывает информацию с чипа социального страхования, вживляемого каждому гражданину сразу после рождения. Информация мгновенно передается в центральный банк данных, и часть ее с той же скоростью возвращается в «точку запроса». Не вся, а та, что подлежит разглашению. Так что фактически говорить охране с гостями не о чем. Полная деградация благородной профессии, а с ней и измельчание контингента. Как их не жалеть?

– Да, мисс Гершвин. – Едва Дана приблизилась к стойке, дежурный регистратор – брюнетка примерно одних с гостьей лет, но классических телесных пропорций – подняла заинтересованный взгляд.

Вряд ли ее в действительности интересовала цель визита этой вызывающе стройной для своего возраста дамочки из Нью-Йорка, но так уж полагалось по инструкции. Попробуй не улыбнись – все тут же будет зафиксировано в досье; компьютеры ревностно следят за поведением работников. Любое отклонение от программы – штраф, а слишком крупная сумма штрафных баллов – увольнение. Меры жесткие, но действенные. Все это Дана знала не понаслышке. Сама когда-то работала на таких условиях. С тех пор мало что изменилось, хотя программы явно улучшились и стали учитывать гораздо больше нюансов человеческого поведения.

– Привет, Лора. – Дана скользнула взглядом по бейджу регистраторши и дежурно улыбнулась. – Меня интересуют ваши новые пациенты. Не совсем новые, но... За последние четверо суток.

– Мужчины, женщины?

– Мужчины.

– Секундочку, мисс Гершвин. Вы не запрашивали через Сеть, это личное дело?

– Просто я была поблизости... – Дана замялась. – Впрочем, вы правы, Лора, это личное. Если человек, которого я разыскиваю, у вас, я хотела бы увидеть его как можно скорее. Вот почему я приехала лично... неофициально.

– Я понимаю, понимаю. – Лора кивнула. – Не волнуйтесь, мэм, если он здесь, я оформлю вам пропуск. У нас ведь не закрытая клиника, специального разрешения не требуется, только чистый «братский файл». А у вас он чище слезы.

Она спрятала улыбку, но так, чтобы Дана это заметила. Видимо, причина такого поведения крылась в словосочетании «братский файл». Шутка была довольно популярной, но считалась не совсем корректной, даже с криминальным душком. На самом деле так считали только обыватели. В АНБ, например, этот термин был вполне официальным выражением. Происходил он от сращения понятий «Большой Брат» и «файл Учета Правонарушений» с последующей «художественной ампутацией» лишнего. Знаменитое оруэлловское «Большой Брат следит за тобой» использовалось обычно критиками следящей спутниковой сети, а также правозащитниками, бессмысленно муссирующими тему вживленных чипов и повсеместного FIF-сканирования. С файлами тоже все было просто: их заводили в центральной федеральной базе на каждого гражданина и заносили в них все его прегрешения. Затем, в случае необходимости, эти сведения использовались в суде или, по согласию гражданина, при его приеме на работу – нечто вроде рекомендательного письма. Бывало, по совокупности накопленных проступков граждан привлекали к судебной ответственности. Споры по этой теме даже вышли на уровень Конгресса: правомерно ли такое «сложение нарушений» и есть ли у них срок давности?

Тема была, конечно, скользкая, но ничего особенного. Ничего такого, чтобы делать заговорщицкое лицо и понижать голос. Впрочем, все это было смешно с точки зрения штатного эксперта АНБ, а не обывателя. Скучающим налогоплательщикам хотелось «жареного», «соленого», «клубнички», «чернухи»... да чего угодно, лишь бы не скучать.

Дана в мыслях пожалела и обывателей. Им не легче, чем охранникам. Ведь, если вдуматься, из чего состоит их жизнь? Из вялотекущей работы, искусственных гамбургеров, сериалов с шутками ниже пояса, надуманных сенсаций в Сети, обсуждения идеологических штампов вроде «политкорректности» или «американского пути» и бесконечных судебных тяжб по любому поводу. Обыватели варятся на очень медленном огне, правда, с хорошими специями и в золотом котелке. Варятся и перевариваются. Мало о ком из них останется хоть какое-то воспоминание в памяти потомков. Они – единая стандартизованная масса. Образцовая нация усредненного счастья.

«Скучная сытость», так сказал о жизни девяти десятых населения Штатов один журналист. Дана про себя называла это иначе: «ожиревшее благополучие». По сути, то же самое, но чуточку точнее.

– Я думаю, могла случиться авария, – подсказала Дана.

– В Вашингтоне? – Регистраторша покачала головой. – У нас отличные системы дорожной безопасности. Аварии с человеческими жертвами случаются крайне редко. Возраст вашего... друга... соответствует?

– Чему? – не сразу поняла Дана. – Ах, вы об этом! Да. Ему пятьдесят, он белый, высокий, с небогатой шевелюрой.

– И его зовут... – Лора подняла выжидательный взгляд.

– Питер Фоули.

– За последние семь суток к нам поступили двенадцать пациентов интересующих вас... хм... кондиций. Из них четверо с бытовыми травмами, один с отравлением, а остальные с сердечными приступами. К сожалению... – Толстушка-регистратор колыхнула третьим подбородком. – Только один вариант.

– Я не понимаю, что значит «вариант»? – удивилась Дана.

– Возможно, случай по вашей линии. – Лора подалась вперед и почти перешла на шепот. – Белый мужчина с травмой головы поступил десятого, без документов, смарта и, обратите внимание, с чистым «ай-ди» чипом!

– Это нереально, – фыркнула мисс Гершвин.

– Можете не верить. – Лора не обиделась. Видимо, то, что ей удалось удивить эксперта АНБ, компенсировало все обиды. – Мы отправили информацию в ФБР, они пообещали пригласить агентов, но так никого и не прислали. Уж не знаю, откуда у них столько дел, что им даже приехать некогда, но прошло трое суток, а их все нет! На что, спрашивается, идут налоги? На содержание этих ленивцев?

– Интересно. – Дана задумалась. – Возраст пациента... как вы говорите, соответствует?

– Да, хотя я могу судить только по записям врачей «неотложки». Его голова и половина лица сейчас под повязкой.

– И никаких «ай-ди».

– Абсолютно! Я никогда не слышала, чтобы у людей выходили из строя чипы соцстрахования. Может быть, у него вовсе нет чипа? Может, это шпион?!

– Лора, я уверена, что этот человек просто попал в беду. Чипы легко выходят из строя после сильного удара током.

– Да? В истории болезни не сказано, что его било током. Черепно-мозговая травма, осколки стекла, резанные раны на лице... насчет тока ничего.

– Где я могу его найти?

– Палата семнадцать-тридцать, четвертый этаж, правое крыло. – Лора покраснела от волнения. – Его уже перевели из реанимации, но состояние пока тяжелое. И все-таки я думаю, это шпион! Наверняка русский. Если, конечно, это не ваш знакомый.

– Я обязательно вам сообщу, – со сладкой улыбкой пообещала Дана.

– Буду признательна. – Лора улыбнулась еще слаще. – Удачного дня, мисс Гершвин.

Найти палату интенсивной терапии на четвертом этаже правого крыла оказалось несложно. Путь Дана исправно указывали адресные метки, вспыхивающие прямо в воздухе по мере ее продвижения к цели. Последняя нарисованная лазером стрелка воткнулась в стеклянную дверь палаты. Дана почувствовала, как забилося сердце и взмокли ладони. Шансы, что там, за дверью, именно Пит, были невелики, но мисс Гершвин разволновалась, как первокурсница перед экзаменом. Все-таки это была не просто симпатия. Мистер Фоули неожиданно оказался дорог Дана настолько, что она не задумываясь последовала за ним... в Вашингтон. Не край света, конечно, но в ее возрасте леди редко ведут себя так.

«Счастье, – подумалось Дана. – Вот и все объяснения. Это погоня за обычным человеческим счастьем. Тоже обывательским, но другим. Мы с Питом ясно поняли, что у нас оно может

быть только одно на двоих. И что следующего шанса у нас, возможно, не будет. Вот почему я сделала это. И сделаю еще что угодно, лишь бы не упустить свою синюю птицу».

Дана шагнула к двери. Она отъехала в сторону, и у мисс Гершвин вырвался невольный вздох. Прямо напротив двери стояла кровать, на которой с замотанной головой, увешанный датчиками и опутанный щупальцами капельниц лежал Питер.

Без сомнений, это был он! Лба и бровей Дана не видела, но его ресницы, нос, губы, подбородок... она отлично помнила каждую деталь его внешности. Эти крупные, сильные руки. В мужчинах нет ничего более красивого, чем большие, крепкие руки. Дана всегда обращала внимание на такие детали. Почти все подружки смотрели на задницы, а Дана на руки. Парни со спортивными попами и подтянутыми животами ей тоже нравились, но руки для нее были важнее. А еще глаза, вернее – взгляд. Он должен пронизывать: умный, твердый взгляд хорошо образованного и уверенного в себе человека.

Полный комплект этих достоинств в одном человеке встречался редко. Да, пожалуй, до Пита она никого настолько близкого к идеалу и не встречала. И вот ее идеальный мужчина лежит на больничной койке с проломленным черепом и посеченным осколками лицом. Он жив, но беспомощен, как младенец. И что будет дальше, есть ли шанс, что он вернется к нормальной, полноценной жизни, абсолютно неясно. Разве это справедливо?!

Дана неслышно приблизилась к койке и взяла Пита за свободную от капельниц руку. Рука была теплая, сухая и вовсе не вялая: будто Питер недавно крепко поработал на тренажерах и его мышцы до сих пор сохраняли спортивный тонус. Мисс Гершвин подняла взгляд на медицинский монитор и наугад просмотрела непонятные пиктограммы. Кое-что она нашла довольно быстро. В графе «Причина травмы» значилось «Дорожный инцидент». Малоинформативно, но все же лучше, чем ничего.

«Трепанация, гематома, инфузионная терапия, разгрузка, стабилизация состояния...» Дана очень смутно, но все же понимала смысл всех этих слов, хотя подробности были ей, конечно, неведомы. Обобщив ассоциации и вспомнив кое-что из разговоров с медиками в Конторе, она сделала вывод, что жизнь Пита уже вне опасности. Теперь его лечат, и это нормально. А вот что НЕ нормально, так это тот факт, что в АНБ никто до сих пор не спохватился, где же пропадает мистер Фоули, и вызванные агенты ФБР никак не могут выкроить свободную минутку, чтобы навестить подозрительного во всех отношениях «Джона Доу». Что же все это означает? Питера списали на берег? Но почему так странно? И что это за фокус с чипом? «Автомобильная» травма не могла повредить имплант, значит, он вышел из строя по иной причине. Уж не потому ли, что его намеренно «прошили»? Кто? Тот, кто доставил Пита в «Джексон Мемориал»? Пусть так. Но зачем? Чтобы спрятать? В таком случае – от кого?

Вопросов было море, ответов – ноль. Но ясно было одно – Пит попал не просто в аварию, он попал в беду. Понятно, что дыра в черепе сама по себе беда, но тут это слово следовало понимать шире. Фоули попал в большую беду. И, значит, его надо срочно вытаскивать. Пока неясно откуда в переносном смысле, но в прямом – его следовало перевезти в другую клинику. Почему? Да хотя бы потому, что прятать агента АНБ могли только плохие парни. Свои, хорошие ребята давно бы выставили у палаты караул и вообще начали разбирательство.

Дана вдруг оборвала мысленные рассуждения. А так ли это? Хотелось бы верить, что так. Но почему тогда нет никакого желания звонить мистеру Доэрти, начальнику Пита, и сообщать о проблемах агента? Снова предупреждение от интуиции?

«Надо все хорошенько обдумать! – решила Дана, присаживаясь на стул рядом с кроватью. – Не торопясь, тщательно и серьезно. Для звонка времени предостаточно. В ближайшие две недели Фоули все равно нетранспортабелен, так что спешить некуда. Даже если Пита сюда упрятали враги, время все равно есть».

– Дана, это... ты?

Вопрос был задан шепотом, едва слышно, но мисс Гершвин вздрогнула, словно от удара грома. Она обернулась к Питу и сильно сжала его руку.

– Я, милый. Как ты?

– Бывало и лучше. – Губы Фоули чуть обозначили улыбку. – Джексон?

– Что? – не поняла Дана. – Ты о ком?

– Мы... в «JMН»?

– А-а, да, мы здесь. А что?

– Мои вещи... мне нужен смарт.

– Тебе сейчас нужен покой и крепкий сон, – строго возразила Дана. – Все самое страшное позади, но это не значит...

– Ты говорила с врачом?

– Нет, я... – Мисс Гершвин растерянно похлопала длинными черными ресницами. – Я не встретила по дороге ни врачей, ни сестер. На этаже никого нет... так мне показалось.

– Тебе не показалось. – Питер закрыл глаза и на пару минут будто бы уснул. – Если им станет известно, что я пришел в себя, он вернется, чтобы добить.

– Кому «им» и кто «он»? – Дана наклонилась к самому уху Фоули. – Пит, что происходит?

– Мои вещи... где они?

– При тебе не было ничего, кроме одежды. Даже твой чип выведен из строя. Ты значишься как «неизвестный белый мужчина с черепно-мозговой травмой».

– Все верно. – Фоули снова попытался усмехнуться. – Мой смарт у них. Наверняка его память... уже выпотрошили до последнего байта. Но они не учли...

Он снова забылся, теперь на долгих четверть часа. Все это время Дана провела как на иголках. Подтверждались худшие опасения. Кто бы ни были эти «они», ничего хорошего от них ждать не приходилось. И все-таки Дана не расклеилась. Даже наоборот, она мобилизовалась, как никогда. Едва у Пита снова дрогнули веки, она склонилась к нему и спросила:

– Пит, ты здесь? Не говори, моргни.

– Я отдохнул. – Фоули открыл глаза. – На чем я остановился?

– Они чего-то не учли. Кто «они» и чего?

– Точно не знаю, но эти люди как-то связаны с «Networld» и с... Лэнгли.

– ЦРУ?! Зачем ты им понадобился?

– Это долгая история, Дана... Сейчас важно другое: они знают, что я в курсе их дел. Но они не знают, что у меня есть... вот это.

Он с трудом поднял руку кверху ладонью. Дана смущенно взглянула на его ладонь. Чтобы рассмотреть что-то мелкое на таком расстоянии, она уже пользовалась старомодными «плюсовыми» очками. Контактные линзы с изменяемой кривизной она не признавала, а уж операции и подавно. Хотя и стеснялась очков. А Питер между тем демонстрировал нечто крошечное, поблескивающее, как рыба чешуйка. Немного поколебавшись, Дана все-таки вынула из поясного футлярчика очки. Фоули протягивал ей инфокристалл, вроде тех, что используют в качестве ячеек памяти в смартфонах. Разница заключалась в том, что этот кристалл имел нестандартную форму и был приклеен к кусочку липкой ленты.

– Что это? В смысле... что на нем записано?

– Оригинал очень важного репортажа. Если он попадет к нужным людям, все сразу встанет на свои места. Но пока... его копия в моем смарте попала к... ним, понимаешь?

– Начинаю. – Дана сняла очки. – Именно поэтому тебя поместили в эту клинику без документов. Чтобы подлечить, вытянуть из тебя все, что ты знаешь, а после устранить. Так?

– Скорее всего. Так что теперь я очень опасный кавалер, мисс Гершвин. Вам будет лучше вернуться в Нью-Йорк и заняться своими делами.

– Хотела бы я вклеить вам пощечину, мистер Фоули, но вы и так наказаны. – Дана аккуратно взяла кристалл, вытянула из-за пазухи цепочку с бабушкиным золотым медальоном,

открыла его и приклеила липучку с обратной стороны крышки. – Как эксперт, не могу не заметить, что кристалл нестандартный. От какой модели?

– От нестандартной. Я скажу тебе, где найти такой смарт и какой набрать номер, чтобы передать хорошим людям записанную на этой крупинке силикона информационную бомбу. Обязательно скажу, Дана... но не здесь. Кроме того, что эти стены имеют уши, они еще и заражены... отсюда надо убираться... поскорее... иначе...

Пит снова впал в забытие. Дана с опаской оглянулась. Заражены? Что за бред? Как могут быть заражены стены? Радиоактивность? В Вашингтоне? Исключено! Что же имел в виду Фоули? Он, конечно, не в лучшем состоянии, но вплоть до последней мысли изъяснялся связно и толково.

«Надо убираться! Вот что самое толковое. А остальное он доскажет, когда отдохнет. Но как, черт возьми, отсюда улизнуть?! Был бы подходящий транспорт и помощники – нет проблем, но как вытащить Пита без помощи со стороны и куда девать все эти мониторы-капельницы? С собой не увезешь, но вдруг они ему понадобятся? Да наверняка понадобятся! Как же быть?»

– Мисс Гершвин, – вдруг ожил смарт.

Дана включила связь жестом, который когда-то был свойственен людям, носившим наручные часы. Перед Даной возникла полупрозрачная голограмма с изображением абонента. Звонила регистратор Лора.

– Привет, Лора.

– Мисс Гершвин, извините, что беспокою вас в такой момент... Вы нашли пациента?

– Да, Лора, спасибо.

– Это... он? – Регистраторша замерла, будто в предвкушении развязки любимого сериала.

– Да, Лора, это мой друг. – Дана уже хотела выключить смарт, но регистраторша спохватилась и предупреждающе помахала пухлой рукой.

– Мисс Гершвин! Я хотела предупредить вас... по дружбе. Те агенты, которых мы вызывали три дня назад, наконец приехали.

– ФБР?

– Да, но... – Лора воровато оглянулась и перешла на шепот. – На них тоже не отреагировали биометрические сканы. На всех троих. У них нет чипов соцстрахования! Точно как у вашего друга. Представляете?!

– Возможно, так принято в ФБР, чтобы не раскрыть агентов.

– Мисс Гершвин, – Лора укоризненно взглянула на собеседницу, – я смотрю «Законные средства» с первой серии. У всех агентов ФБР есть чипы. Не у всех те, что были даны им от рождения, но есть! Им нельзя привлекать к себе внимание, а разве пустой чип не вызывает множество подозрений и волну нездорового интереса?

Судить о специфике работы ФБР по сериалам было нелепо, но в данном случае Лора попала в точку. Люди, выдающие себя за американцев и не имеющие чипов соцстрахования, были или крайне непрофессиональными шпионами, или людьми из тех кругов, в которых показное нарушение законов считается доблестью. В ФБР это доблестью не считалось.

Дана впервые за все время работы в АНБ пожалела, что не носит с собой оружия. Против троих вооруженных и, судя по всему, решительно настроенных мужчин она вряд ли выстояла бы и с пистолетом, но все-таки...

– Я отправила их в другое крыло, – продолжила Лора. – Вы успеете уйти.

– Я не уйду без Питера, а он... слишком слаб, чтобы ходить.

– Мне кажется, вам грозит опасность. – Лора осуждающе покачала головой.

– Вызовите полицию и покиньте здание, – сказала Дана. – И включите сигнал пожарной тревоги. А я останусь.

– Это так... необычно. – Лора мечтательно вздохнула. – Так щекочет нервы, я даже...

– Лора, это не сериал! Вызывайте полицию!

– Ах да, сейчас. – Женщина выпала из облака грез. – Что такое? Я не понимаю... что-то со связью... никогда такого не было.

Смарт отключился сам по себе. Дана стянула золоченый браслетик с руки и зашвырнула в угол. Зачем она это сделала, Дана снова не поняла. В последние сутки ею будто бы кто-то управлял, подспудно, но настойчиво.

Из коридора послышался шорох. Дана обернулась, замерла на несколько секунд, а затем, решив, что ей показалось, снова перевела взгляд на Пита. И снова в мозгу застучала только одна мысль: как увезти Пита из больницы. Мало того, что это будет тяжело сделать физически, на психику будет давить мысль о преследовании, а это неизбежно приведет к нервозности, ошибкам, лишнему шуму... Мисс Гершвин встрепелась. Шум! Она только что зашвырнула в угол смарт и не услышала, как он упал. Не было ни стука, ни шлепка, никакого шума.

Дана поднялась со стула и осторожно подошла к тому месту, где должен был упасть смарт. Ничего. Это было странно.

– В компе есть программа... – неожиданно сказал Питер.

Дана резко обернулась. Фоули смотрел на нее осмысленно и вовсе не сонно. Он вообще менялся на глазах. Со скул исчезла бледность, голос окреп, а в глазах появился живой интерес. Пит будто бы принял допинг. Дана растерянно взглянула на капельницы. Обычные на вид пакеты с растворами. Те же, что и пять минут назад, ничего нового. В чем фокус?

– Извини, что ты сказал?

– В медицинском компьютере... программа трансформации койки в кресло-каталку. Найди ее.

– Пит, это опасно.

– Не опаснее, чем оставаться здесь. Я в порядке, не волнуйся. Мне становится лучше с каждой минутой. Будь я проклят, если понимаю, что происходит, но это факт.

– Сюда идут какие-то люди, возможно, агенты ФБР.

– Тем более нечего ждать. – Фоули с трудом приподнялся на локте. – Действуй, Дана! Ради нас!

Это был железный аргумент. Дана торопливо пролистала «меню» и нашла нужную строчку. Чудесное превращение кровати в кресло произошло очень быстро, причем все капельницы и датчики остались на своих местах.

– Не могу понять, как ею управлять... толкать, что ли?

– Там... должен быть список команд.

– Нашла! «Пункт назначения»... Я не знаю, как это называется! Э-э... центральный вход... пандус... я не знаю.

– Дана, быстрее.

– Я стараюсь, Пит! Сейчас! Пойдем по этапам. Лифт!

Кресло тронулось с места и послушно покатило к дверям. Выехав в коридор, необычное транспортное средство повернуло направо и поехало к лифтам. Когда «сиделка» и пациент приблизились к кабинам, перед ними открылись сразу четыре двери в никелированные ящики.

– Не пугайтесь, это я их прислала, – на связь через коммуникатор лифта снова вышла Лора.

– Вы рискуете, – строго предупредила мисс Гершвин. – Я же попросила вас покинуть клинику.

– Это мой долг, мэм, – гордо ответила регистраторша. – Юджин, охранник, держит под контролем ситуацию перед главным входом. Четвертый агент сидит в машине.

– Спасибо, Лора, мы это учтем. И Юджину спасибо, но пусть не рискует.

– Разве это риск? – Лора усмехнулась. – Вот в десятом году мы с мужем участвовали в пикете против третьей войны в пустыне, это был риск! Впрочем, сейчас это не важно... Те трое поднимаются к вам, немедленно уходите!

Видимо, в юности она была еще той штучкой. Нормальная обывательница наверняка уже сидела бы в кафе неподалеку и наблюдала за всем со стороны. Дана определенно повезло со сменой. И Лора, и Юджин пока не забыли, что такое самостоятельная работа мозгами, без подсказок от правительства.

Больше всего Дана опасалась, что лифт застрянет. Обычно ведь так и бывает: где тонко, там и рвется. Перехватить беглецов легче всего именно в лифте. Но то ли агенты не ожидали подобного развития событий, то ли просто отнеслись к заданию с прохладцей – в холл пациент и «сиделка» прибыли без проблем.

Зато дистанция в сотню футов от лифтов до машины превратилась в путь через полстраны. Во всяком случае, так показалось Дана. С первых же секунд, когда двери лифта еще не открылись до конца, мисс Гершвин поняла, что в холле происходит что-то странное. Покинув кабину, Дана развернула кресло-каталку и подтолкнула ее к выходу. В этот момент за спиной послышался отчетливый треск, и Дана боковым зрением уловила сноп искр, брызнувших из матово поблескивающего чрева лифта. Запахло горелой пластмассой. Вопреки неосознанному желанию, Дана не обернулась, а только втянула голову в плечи. Замыкание в проводке кабины было сейчас не самым важным в жизни. Любопытно, конечно, что это за странное совпадение, но... не сейчас!

Дана прибавила шаг. Сквозь стеклянные двери были видны подъезжающие машины. Первой ехала «неотложка», за ней полицейский «Форд». Сначала у Даны немного отлегло от сердца, но потом она увидела, как одна из припаркованных неподалеку машин сдает назад, перекрывая дорогу полиции, и снова встревожилась. В том, что это было сделано намеренно, Дана не сомневалась ни секунды.

Стеклянные двери открылись, и Дана вытолкнула кресло на широкое крыльцо. Съехать вниз беглецы уже не успевали – по пандусу въезжала «неотложка», – оставалось воспользоваться лестницей. Десять невысоких ступенек, несколько метров открытого пространства – и ее машина. Казалось бы, вот она, удача, но на самом деле все складывалось вовсе не так хорошо. За спиной послышался топот и невнятный окрик. Из лифта вывалились трое мужчин в одинаковых строгих костюмах. Две секунды, не больше, и попытка к бегству закончится арестом.

И все-таки Дана рискнула. Она мысленно извинилась перед Питом и направила кресло к лестнице. Спуск по ступенькам был жестким, как Дана ни старалась, чуть притормаживая, смягчить толчки. Но главное – он занял гораздо больше времени, чем требовалось агентам, чтобы догнать беглецов. Мисс Гершвин на миг оглянулась. Юджин! Охранник заблокировал двери и теперь горячо объяснялся с агентами, для убедительности помахивая перед носом у одного из них резиновой дубинкой.

Последняя ступенька! Дана подкатила кресло к машине и почти крикнула «открыть!». Задняя левая дверца послушно отъехала вправо. Проем был достаточным, чтобы вкатить кресло в машину, но мешали задние сиденья. Заниматься трансформацией салона было некогда. Бросив авто на пути у полицейских, к машине мисс Гершвин уже бежал четвертый из прибывших по душу Питера агентов.

Если бы вчера Дана сказала, что она способна легко поднять и перенести с каталки в машину человека весом в двести с лишним фунтов, она бы только рассмеялась. Тренажеры, диета и пробежки помогли ей держать себя в форме, но не настолько. Однако сейчас произошло именно это – она, не задумываясь, схватила Пита под мышки и перетащила на заднее сиденье своего «Каравана». Благо, что кресло удалось подогнать вплотную и усилие потребовалось приложить лишь на какое-то мгновение. Автоматически отключились датчики, и, едва слышно шелкнув, отсоединились капельницы. Освободившийся от полезных пут Фоули зава-

лился на бок. Дана было некогда помогать ему устроиться на заднем диване поудобнее. Она оттолкнула кресло в сторону и почти бросилась за руль. Почти...

Кресло-каталка осталось на месте, будто приклеившись к борту ее «Доджа». Дана дернула за подлокотник. Никакого эффекта.

– Мисс! Оставайтесь на месте! ФБР!

Дана мельком взглянула на бегущего к ней агента. Снова запас в две секунды, но теперь Юджин на помощь не придет. Она отступила на шаг и сильно ударила ногой в основание кресла. Что-то брякнуло, но кресло так и осталось на месте. Надо было срочно найти решение. Ехать с распахнутой дверцей и приклеенным к порогу креслом-каталкой казалось нелепо, но иного выхода Дана не видела.

Она села за руль и включила задний ход. Агент ФБР притормозил и отпрыгнул влево. Машина мисс Гершвин вылетела на центр парковки и лихо развернулась в сторону дальнего выезда. Он был свободен от помех. Будто прикипевшее к борту кресло заскрежетало какой-то металлической деталью по асфальту. Дана взглянула в боковое зеркало. Агент бросился было за ней, но передумал и побежал к своему авто. Там его с нетерпением поджидали двое полицейских – один с наручниками наготове. Агенту предстояли долгие объяснения, а потому у Даны появлялся реальный шанс благополучно убраться из опасной зоны.

Она утопила педаль, но почти сразу сбросила газ. В салоне сильно запахло горелым. Дана обернулась и невольно охнула. Приклеившееся к борту кресло раскалилось до красивого малинового оттенка. Все пластиковые детали тлели и дымились, а растворы из оплывающих будто свечки емкостей шипели, попадая вместе с горящим пластиком на раскаленные трубки рамы и спицы колес. Дана перевела зачарованный взгляд на Пита, он почти касался ногами этого «барбекю». Край дивана под ним тоже начал тлеть. Дана снова ударила по педали газа, а затем резко перебросила ногу на тормоз. Тяжелая сдвижная дверь «Каравана» ударила по горящему креслу и срезала его, словно гильотина. Автоматика замка довела дверь до штатного положения, и «горячий кошмар» прекратился. Дана снова нажала на газ и направила машину к полосе разгона для выезда на хайвей. Разглядывать, что происходит на стоянке перед клиникой, ей больше не хотелось. Слишком много странностей, и слишком большая нагрузка на психику.

Оглянулась она, только когда вырулила на шоссе. Преследования вроде бы не было. Снаружи левый бок машины «украшало» огромное пятно сажи. Дана включила автопилот и обернулась к Питу. Негорючий материал обивки под ним уже не тлел, так что Фоули, к счастью, не пострадал. Стараниями вентиляции дым из салона почти улетучился, но Дана все равно помахала рукой и поморщилась.

– Ты не ранена? – не открывая глаз, вдруг спросил Питер.

– Нет, все в порядке. Как ты?

– Нормально. Только переволновался за тебя. Если бы не «Скорая»...

– Тебе вредно волноваться. Какая «Скорая», о чем ты?

– Вон о тех дырках, – Фоули открыл глаза и покосился вправо.

Дана проследила за его взглядом. В правой передней двери и стекле красовался ряд аккуратных дырочек. Дана повернулась к навигатору и запросила запись с камер заднего вида. Пит оказался прав. В тот момент, когда мисс Гершвин затормозила, чтобы «стряхнуть» непонятным образом прикипевшее кресло, трое агентов все же миновали Юджина (банально врезав ему в челюсть), выбежали на крыльцо и открыли огонь. Не затормози Дана вовремя, очередь из бесшумного пистолета прошла бы «Караван» в другом месте, чуть ближе к корме, а значит, хотя бы одна из пуль могла попасть в водителя. От второй очереди Дану спасла «неотложка». Ее водитель не заметил агентов и, понятно, не услышал никакой стрельбы. Он преспокойно сдал назад, подруливая к приемному покою, и перекрыл линию огня.

– Фантастическое везение. – Дана поехала и, пытаясь унять внезапную дрожь, спрянула руки под мышки. – Мне даже нехорошо. А если бы...

– Что случилось, то случилось, Дана. «Если» – это словечко для пустых разговоров у камина. Куда ты намерена отправиться?

– Домой. – Дана не то чтобы полностью взяла себя в руки, но спокойный тон Фоули ее немного отрезвил. – Или... нам теперь придется скрываться?

– Пока точно не скажу. Ты проложила верный курс. Едем в Нью-Йорк. Думаю, все прояснится еще до Балтимора.

– Я не совсем понимаю, что прояснится?! – Дана снова разнервничалась. – Нас догонят и посадят за решетку?!

– Попытаются догнать, – устало подтвердил Фоули. – Но сажать нас за решетку им невыгодно. Они попробуют нас убить.

– Убить?! – Дана почувствовала, как от лица отхлынула кровь.

Почему-то предположение Пита оказалось гораздо страшнее свидетельств неудавшегося покушения. Наверное, дело во временах: прошедшее, пусть это и было реальное дыхание смерти, миновало, и бог с ним. А вот будущее, даже предположительное и без гарантий, еще только маячит на горизонте. И поэтому оно страшнее стократ.

– Но мы им этого не позволим, – попытался взбодрить подругу Фоули.

– Не позволим, – прошептала Дана. – Я родилась в Балтиморе.

– Тем более. – Пит усмехнулся. – Глупо умирать там, где родился.

– Глупо, но большинство людей так и делает. – Дана вздохнула. – Мы можем спрятаться у тети Сары.

– Я подумаю над этим вариантом. Но сначала нам нужно выбраться из DC.¹ Желательно живыми.

¹ DC, District Columbia – федеральный округ Колумбия.

Глава 4

Урал, 14 сентября

Гроза прекратила бушевать сразу после полуночи, но дождь шел еще некоторое время, настырно, как хороший пожарный, проливая выгоревшие на склоне проплешины и тлеющие головешки на месте расколотых молниями деревьев. Один из солдат подкрепления, родом из ближайшего райцентра, авторитетно заявлял, что ничего подобного в здешних заповедных местах еще не происходило. На его памяти, во всяком случае. Борис Валуев на заявление бойца только хмыкнул. Двадцать лет – это разве память?

В конце концов дождь тоже унялся, а через какое-то время начал сгущаться туман. В этот миг просветления уложилось сразу несколько важных событий.

Во-первых, хитрованы-разведчики принесли свежие разведданные, сделав вид, что вот только вернулись из большого тоннеля. На самом деле им было неохота мокнуть, поэтому они и не спешили выходить из пещер под дождь. Сведения не имели такого уж стратегического значения, и Валуев не обратил на детскую хитрость разведчиков никакого внимания. Борис и без разведки знал, что команда Добрецова ушла из местной системы пещер и тоннелей, а потому все придется начинать с нуля. Так подсказывала интуиция. А ей Валуев доверял в первую очередь. Первее разведданных.

Искать в заповедном лесу и горах группу из двух десятков человек представлялось делом непростым, но, в отличие от беглецов, охотники имели в своем распоряжении нужные инструменты: всевидящие спутники «Невода», вертолеты, машины и даже егерей-проводников, а значит, и все шансы на успех. Да и численность отряда под командованием мистера Блэка, с наемниками во главе подразделений, позволяла действовать с размахом. Если развернуть всю эту ораву в стандартную цепь, получится гребенка километра в три по фронту. И это без подключения резервов Минюста, которые ждали команды на тренировочной базе спецназа под Челябинском.

Что и говорить, связи у мистера Блэка оказались посерьезнее, чем у этих деятелей из СБН. Скрутил заморский мистер знаменитого Добрецова в бараний рог, несмотря на дружбу последнего с чинами из ФСБ и с обитателями Кремля.

Второе событие неполного часа между дождем и туманом: прилетели два «трансформера», под завязку груженные теми самыми кейсами, с помощью которых «воскрес» мистер Блэк. Как только остановились и повисли лопасти, Блэк самолично возглавил разгрузку и раздачу контейнеров из этих кейсов бойцам. В каждом чемоданчике оказалось по пять тяжелых стальных цилиндров размером со стакан. Рассказывать новобранцам «техноармии», для чего нужна выданная «посуда», командир отряда поручил наемникам. Ответственным за ликбез он назначил, понятное дело, Валуюва.

Оставшиеся в живых «дикие гуси» обеспокоились. Выходило, что все бойцы получают такую же экипировку и оружие, а значит, тоже станут суперсолдатами и отнимут у «гусей» хлеб. Но когда выяснилось, что в нанороботов загружены только программы защиты, усиления и превращения в холодное оружие, наемники успокоились. Вооружены «гауссовками» оставались только они. Почему мистер Блэк поступил именно так, было в общем-то ясно. Наемникам он платил большие деньги и мог быть уверен, что они не выстрелят ему в спину (хотя после увиденного «воскресенья» Борис частично перестал понимать логику босса – какая разница, убьют тебя или нет, если ты все равно воскреснешь?), что же касается новобранцев – вопрос был скользким. Набирали их второпях, просто по приказу их же регионального начальства.

Загнали два отряда московского и один подмосковного ОМОНа в вертушки, да и рванули на Урал. Никаких сверхурочных к стандартным «боевым» никто им не обещал. А между тем первая же стычка с, казалось бы, слабым противником закончилась печально для трех десятков человек, и это вызвало ропот в первую очередь среди начальства пополнения. Вот Блэку и пришлось раскошелиться.

Впрочем, Валуев подозревал, что теперь, после захвата «Невода», комплектов «супер-брони» у Блэка в избытке. Почему так, Борис не знал, да и не особенно интересовался. Видимо, через эти спутники и только через них можно было получить доступ к охраняемым системам особых складов, где вся эта «бижутерия» хранилась. Ведь те двадцать комплектов, что имел в своем распоряжении мистер Блэк до начала операции, определенно были его единственным богатством. Он трясся за них, как за любимую игрушку. А теперь вот раздавал «стаканы» направо и налево. Явно откупорил запасники, других объяснений нет.

Третьим событием относительно сухой паузы стало появление на территории подконтрольной ОМОНу и новой СБН троих гражданских лиц. Сначала бойцы охраны решили, что это очередная группа диверсантов, но вскоре выяснилось, что это местные егеря и лесник, самоотверженно притопавшие на свет пожара. Вдобавок к тому, что они до нитки промокли, блюстители заповедника еще и огребли тумачков в момент пленения, но за это обиды не держали. Гораздо больше их возмутила умышленная порча доверенного им заповедного лесного хозяйства. Естественно, сердились они не на служителей закона, а на группу негодяев, скрывавшихся в гротах и паливших лес из огнеметов.

Таким образом, добровольные проводники нашлись сами собой. Оставалось построиться в цепь, включить постоянную связь со спутниками и двинуться по следам беглых преступников... еще вчера – людей из самых высших слоев общества.

Валуев хмыкнул. Играет судьба человеком, ох играет. Как пешкой какой-то. Он сам, конечно, ей в этом помогает, но все же ходит не он, это факт. Ну точно как пешка. Вроде идет с Е-2 на Е-4, а на самом деле ее переставляет игрок.

А ведь когда-то Борис был верен другой жизненной позиции, активно пропагандируемой в армии бодрыми офицерами-воспитателями: «Человек сам хозяин и строитель своей судьбы». Воодушевленный этой ложной установкой, Валуев «настроил» такого... Даже вспоминать неохота. В результате из офицера Российской армии превратился в наемника. Вот так судьба утерла нос своему «хозяину».

В общем, все было готово для продолжения банкета, как сказал немолодой наемник дядя Коля, после предательства и гибели Аслана Бороева – заместитель Бориса, но произошло очередное событие. Все вокруг укрыл густой туман. Густой настолько, что его плену не пробивали даже мощные галогенные фонари.

– Раньше эти крысы под землю прятались, пукнуть боялись, а теперь они уйдут в полный рост, – сделал вывод Коля. – Зуб даю, уйдут. Грех таким шансом не воспользоваться.

– Далеко не уйдут, – спокойно ответил Валуев. – До рассвета часа четыре, плюс час на просушку. К девяти туман развеется. Сколько они протопают по лесу да по горам за такое время и куда зайдут без ориентиров? Ночь да еще туман.

– Ты, может, последние пятьсот лет провалялся в коме, но есть такое изобретение – компас. – Коля усмехнулся.

– Юморишь, да? – Борис посветил в сторону переминающегося на ближайшем посту часового. – Сильно видишь его?

– Слабо, – признал Коля.

– Ну а чего тогда гнилушку трешь? Умным сделался, когда по балде получил? Ты, кстати, так и не признался, кто тебя отоварил. И почему броня не помогла?

– Под М-станнер попал, – нехотя ответил Коля. – А тут обвал. Камнем и врезало. Хорошо, по касательной.

– Плохо, – возразил Валуев, в упор глядя на Колю. – Лучше б он тебя в лоб треснул, камень этот. Глядишь, ты бы реально поумнел, а не только на язык.

– Виноват, командир.

– Знаю. – Валуев едва заметно дернул головой, указывая в сторону теснящихся под навесом бойцов. Там два ряшистых прапорщика раздавали сухие пайки. – Всем объяснили, что за броня?

– В общих чертах. Как врубить, как вырубить и как всех этих чертиков обратно в «стакан» загнать.

– Снова шутишь? – Борис нахмурился.

– Нет. – Дядя Коля невольно подался назад. – Это Блэк посоветовал так инструктировать. Ну, не про чертиков конкретно рассказывать, а чтобы с доходчивыми сравнениями!

– Ладно, живи, – снизошел Валуев. – Но смотри, Коля, дисциплина с этого момента будет вдвое против прежней, понял? Задолбали меня ваши африканские замашки. Через эту расхлябанность и все проблемы. Сколько нас было и сколько осталось, ты считал?

– Было двадцать, а осталось... десять или восемь. Но зато подкрепление...

– Про это подкрепление ты, воин, забудь! Нам бабки платят не за командование этими мусорами и не за обучение их «строевым приемам с чертиками». Нам контракт надо отбить. И всё. А потом уже будем по новой специальности работать, если пожелаем. Спецотрядом СБН прикидываться и все такое. Ясно?

– Так точно.

– Вот, уже лучше. Больше никакой лажи, понял? Берем объект, чистим хвосты – и разбежались.

– Я, наверное, останусь... потом. Служба вроде непыльная: в Москве, сиди себе в Сити, охраняй.

– Твои дела. Я собираюсь раствориться. Приз теперь вдвое больше стал – Блэк сказал, что фонд остается прежним и мы можем хоть на двоих его поделить в финале, главное – выполнить контракт.

– Да? – Коля озадаченно потер бритую макушку. – Это все меняет.

– Ничего это не меняет, – отрезал Борис. – Рассветет, выйдем первыми, отдельно от гребенки. Выбери егеря потолковее в проводники.

– А стадом кто будет командовать?

– Сам Блэк их поведет, мы все перетерли. Еще вопросы?

– Нет вопросов. Хотя... пожрать есть чего? Нормальное, не сухпай. Я это пюре в одно-разовых мисочках с молодости ненавижу!

– Эх, Колян, и вправду давно ты, видать, дома не был. Ты какой сухпай припомнил, американский?

– А русский что, лучше?

– И в этой стране, Коля, кое-что хорошее имеется. Армейский сухой паек – первое, чем можно гордиться. После «калаша», конечно.

– И последнее, – буркнул Коля. – Все остальное дерьмо.

– Так уж все? – Валуев усмехнулся.

– От сборной по футболу до правительства. Китайцам проигрывать в полуфинале – это разве не дерьмо?!

– Позор, согласен.

– А морды эти жирные из Белого дома... Даже в Африке министры не называют граждан населением и не держат полстраны за провинциальное быдло, хотя сами из него и выползли. Да и «население» еще то. Кто не воры и бляди, те лохи и кошелки. И это так, примеры навскидку. А если углубиться... я потому и уехал, что достала такая жизнь. Внешне – лак, внутри гниль. Родина в разрезе.

– Не гони, воин. Может, тебя государство и обидело так, что ты аж в Африку сбежал, но сама страна тут ни при чем. Разные это вещи, хоть и зовутся одинаково. Держи.

Он вручил Коле коробку и кивком указал на ящик напротив. Коля хотел было уйти в палатку, но командир вынул из внутреннего кармана фляжку, и наемник передумал. Выпить и закусить за неласковую, но все-таки Родину – святое дело. Даже для отверженного наемника.

Паек оказался действительно и вкусным, и питательным. Коля насытился уже к середине трапезы, но обедков все равно не оставил, скорее по привычке. С выпивкой же вышло как-то не так. Во-первых, получилось не выпить и закусить, а наоборот: поесть и запить. А во-вторых, сытная пища украла все градусы, что было крайне обидно. Коля попытался компенсировать недополученное удовольствие, закулив сигарету, но и тут его поджидал коварный облом. Горький туман придал и без того противному табачному дыму совсем уж мерзкий привкус. Наемник тщательно затоптал сигарету и решительно поднялся с ящика.

Валуев, оценив его боевой порыв, одобрительно кивнул.

– Собирай наших. Только тихо и налегке. Разгрузки, НЗ и связь, больше никакого хабара. Построение здесь через пять минут. Шевелись.

– Есть. – Дядя Коля бесшумно растворился в тумане.

Пока заместитель строил наемников, командир собрал и скомкал упаковки сухпая, облегчился прямо в туман, не выискивая по-собачьи подходящего дерева, и нацепил амуницию. Спешить было в общем-то некуда, но Валуеву не давали покоя тоненькие, как комариный писк, вибрации натренированной интуиции. Что-то должно было пойти не так, как планировал командир «диких гусей», он чувствовал это кожей. Не наперекос, но как-то не так. Непредсказуемо. Именно по этой причине Валуев и собирался выдвинуться как можно раньше – чтобы в случае чего успеть вернуться.

Борис потянулся, сделал несколько упражнений и помассировал мощную шею. Кровь побежала быстрее, а с ней как будто бы перестали притормаживать и мысли.

«На месте Баркова я бы ушел на восток. Там и скалы поплоче, и лес погуще. Но это Барков там у них гражданский, может, на конфетку польстится. Остальные вроде ничего так, соображают. Значит, пойдут на запад, а чтоб компенсировать потери в скорости, выставят приличное тыловое охранение, которое нас и придержит...»

Валуев повертел версию со всех сторон и пришел к выводу, что она так себе. Не то чтобы полная лажа, но не очень. Сам бы он так не поступил. Он бы выделил нескольких опытных бойцов и отправил их в рейд по тылам врага, пошуметь. Да так, чтобы у противника не осталось и мыслей о погоне. А всю группу тем временем увел бы на юг, по ближайшей реке. Вот это было бы грамотно.

«Тогда почему я решил, что спутники Баркова поступят иначе? Они ведь не тупее».

Из тумана послышались негромкие голоса. Валуев положил на сгиб локтя легкую, как алюминиевая лыжная палка, «гауссовку» и обернулся. Поредевшая команда «диких гусей» была в сборе. Командир молча кивнул Коле и обвел взглядом строй. В неверных предрассветных сумерках девять наемников выглядели неубедительно, какими-то размытыми черными кляксами на сером фоне. Впрочем, воевали они так себе, а потому прозвище «кляксы» им вполне подходило. Борис незаметно вздохнул. Вояки! Одного штатского взять не смогли. Вот бы сюда отделение морпехов из бывшей роты бывшего майора! Мало бы этому Баркову и его компании точно не показалось. Но морская пехота – далекое прошлое, его не вернуть. Остается выжимать соки из того личного состава, что имеется в распоряжении на сегодняшний день. То есть на раннее утро.

Валуев жестом приказал попрыгать. Бойцы деловито исполнили ритуал. Ничто не брякало. Борис вполголоса скомандовал «Направо!» и бесшумно двинулся в сторону леса. Коля быстро прошелся вдоль строя, на пальцах объясняя, кто из бойцов первый, кто второй, и махнул вслед командиру. Наемники разошлись по номерам и скрылись в лесу двумя цепочками.

Их исчезновения никто в лагере не заметил. Даже часовые.

Полчаса слепого, но все равно практически бесшумного марша принесли совсем не тот результат, которого ожидал Валуев. Он-то надеялся найти следы, а обнаружил только туман, еще более густой, чем в лагере наемников. В низине было невозможно дышать, настолько он был густым. Пришлось вернуться на середину пройденного пути, к примеченному командиром мшистому валуну. Поскольку Борис разрешил устроить возле него небольшой привал, кто-то из подчиненных тут же окрестил камень «малым дембелем».

– Надо сканером прочесать, – переводя дух, сказал Коля. – Рыскать мы и до вечера можем. Только мы ж не волки.

– Тихо! – Валуев поднял руку. – Всем заткнуться!

Наемники притихли. Теперь всем стали слышны шаги нескольких человек, крадущихся метрах в тридцати правее камня. Судя по звукам, ночных туристов было человека два-три и шли они примерно в сторону покинутого «гусями» лагеря. Борис осторожно поднялся и перехватил поудобнее оружие. Высмотреть что-либо за деревьями, да еще в туманных сумерках, было нереально, однако командир умудрился поймать тень одного из незнакомцев. Ничего особенного в ней не было: обычный край силуэта ростовой фигуры человека, но Валуев чувствовал, что это именно та дичь, за которой он и отправлялся. Шла практически в руки – удача или отвлекающий маневр? Чтобы это понять, следовало побороть соблазн броситься в атаку, затаиться и проследить за полуночными гуляками, одновременно внимательно посматривая назад и по сторонам.

Валуев жестами объяснил Коле и еще двоим бойцам, что они должны проверить тылы, а остальным, что им следует отпустить «туристов» на полсотни метров и бесшумно двинуться следом.

Минут через пять пришел рапорт от Коли. Поскольку незнакомцы крались медленно, основная группа наемников к этому времени все еще оставалась у «малого дембеля».

– Сзади чисто. Следов на четверых.

– Ты уверен? – едва слышно шепнул Валуев.

– Не впервой копыта сканирую. И ребята согласны.

– Значит, «в заде» у тебя нечисто. Впереди только три фигуры.

– Сейчас пробьем заново.

– Пробивай, догонишь в лагере. Они туда идут.

– Думаешь, среди них объект?

– Слишком точно топают. Без компа в башке такой маршрут не проложить.

– А чего хотят?

– Думаю, вертушка им нужна.

– Так, может, засаду организуем?

– Дойдем и организуем. Атаку с тыла. Но для этого нам нужно, чтоб мусора им во фронт ударили. Или они мусоров. Чтоб нашей атаки не ожидали. Иначе попадем под раздачу. Врубайся?

– А то! Боишься этого Баркова?

– А ты? Например, Блэка боишься?

– Ну-у... не хотел бы с ним схлестнуться. Если уж он Аслана поломал...

– Вот и я не хотел бы. А Барков тоже вроде Блэка крендель. Может, и покруче. Ведь в крайний раз он Блэка приморил-таки. Так что к нему серьезно надо относиться. Не то чтоб ссать, но все-таки.

– Погоди, Блэка же молния поджарила или нет?

– Хрен его знает, что там было. Может, молния, а может, Барков нашего босса так шарахнул. Тут не поймешь, кто чем дышит и дышит ли вообще. Киборг на киборге, куда ни плюнь. Короче, Колян, если четвертый отстал, найди его и убей. Приказ ясен?

- Так точно.
- Троим по силам?
- Если это не Барков – вполне.
- Выполняй. Я пойду последним, если что – сигнал, помогу.

Валуев включил общий канал, отдал короткое приказание, и наемники отправились по следам «туристов». Сам Борис и один из бойцов, намеренно чуть-чуть отстав от основной группы, еще немного потоптались у камня и тоже двинулись вверх по склону.

Пройти они успели шагов десять. То, что Коля не справился с заданием, Валуев понял, когда сопровождавший его наемник рухнул ничком. Рухнул так, как падают те, кто не встает уже никогда.

Борис оглянулся, отчетливо понимая, что это бессмысленно. В темноте и тумане смотреть следовало с помощью электроники. Он поднял взгляд к виртуальному дисплею, который обычно проецировался чуть выше линии взгляда, и... тоже ничего не увидел. Объяснение очередному отказу бронекостюма было одно – враг ударил в спину наемникам из М-станнера. Значит, теперь в течение тридцати секунд они были уязвимы для обычного оружия.

Получить пулю между глаз в планы Валуева не входило. Он отпрыгнул далеко в сторону, перекатился, залег между двумя старыми толстыми елями и повертел головой, выискивая цель. Справа коротко стукнул невидимый «дятел», и на хвою осыпалась измельченная кора. Валуев невольно пригнулся. Снова стукнуло, теперь прямо у него над головой. Борис отполз назад и еще раз перекатился – под прикрытие ствола вдвое толще, чем предыдущий.

Пули ударили в ель почти у земли. Это был обычный свинец, и Валуев поблагодарил судьбу, что враг вооружен лишь М-станнером и бесшумным пороховым автоматом. Противник внимательно следил за передвижениями командира наемников, и будь у него в руках «гауссовка», никакие деревья Бориса бы не спасли. Как стрелок умудрялся видеть врага в темноте и за плотным частоколом старых елей, оставалось догадываться. Термоскан? Сомнительно. Интуиция? Еще невероятнее.

Валуев осторожно выглянул из укрытия. По макушке тотчас ткнула крупная щепка. Противник не уходил. Видимо, давал возможность своим товарищам оторваться от преследования. С одной стороны, правильно делал, но с другой – глупо. Ведь он должен был понимать, что планы его диверсионной группы раскрыты и к вертолетам ее не подпустят. А шаги диверсантов и преследующих их «гусей» между тем затихли выше по склону, то есть направление группа не сменила.

«Чертовы штатские! – вдыхая влажный запах хвои, подумал Валуев. – Никакой логики! Понятно же, что мы их просчитали, что самый правильный вариант – вернуться! Нет, прут дуром на амбразуру. Ботаники!»

И снова Валуев кривил душой перед самим собой, хотя отлично понимал, что самообман – прямой путь к поражению. Именно переть на амбразуру в такой ситуации и было разумнее всего. Переть до упора, а в последний момент раз! – и уйти влево или вправо, совершить обходной маневр и ударить во фланг. Просто и со вкусом. Особенно эффективно это в неблагоприятных погодных условиях, вот как сейчас. Главное – успеть до того, как рассветет и начнет развеиваться туман.

- Вал! – шепнул по радиосвязи кто-то из ребят основной группы. – Проблемы?
- Выполняйте задание, – процедил Валуев.
- Дядя Коля, Хохол и Шустрый не отвечают!
- Знаю, мать вашу в душу! – прошипел Борис. – Работать! Упустите «туристов» – яйца оторву!
- Принято, командир. Но ты зови, если что.

Борис заблокировал связь, сдал еще немного назад и пополз вправо, изо всех сил стараясь не шуметь. Спроси сейчас кто-нибудь, к примеру мистер Блэк, какой у командира «диких

гусей» план, Валуев не сумел бы ответить. Теперь им управляли рефлексы, сформировавшиеся еще во времена службы в морской пехоте. Борис не задумывался над алгоритмом действий, он просто представил себе цель. Кто в курсе, тот понимает, что это за состояние, в которое намеренно погрузил себя бывший морпех. На языке профессиональных военных – работа. Валуев работал, как его учили в армии: спокойно, сосредоточенно и деловито, имея целью – исключительно и непременно – оценку «отлично». Работай так все в стране, а не только спецназ и его «смежники», россияне давно бы жили лучше японцев.

На все про все ушло минут пять. Разыгранная как по нотам комбинация вывела Бориса на оптимальную позицию. Противник затаился в десяти шагах прямо по курсу, почти слившись воедино с замшелой елью. Валуев медленно поднял к плечу «гауссовку» и прицелился врагу в затылок. Кнопка активации сработала мягко, без щелчка. Оружие тоненько, почти неслышно взвизгнуло, и целый погонный метр толстого ствола старого могучего дерева разнесло в щепки. Заскрежетал, оседая рядом с уродливым пнем, оставшийся ствол, оглушительно затрещали ломающиеся ветки, мягкую землю сотряс удар воткнувшегося в нее обрубка. Ель немного покачалась и начала заваливаться, круша ветви соседних деревьев. Борис прикинул траекторию ее падения и шагнул влево. Срубленный исполин рухнул на хвою, отпружинил и загудел глухим набатом. В воздухе повис стойкий, смешанный с горечью тумана запах еловой смолы. В чаще захлопали крыльями и загалдели потревоженные птицы.

Борис опустил оружие и вытянул шею, пытаясь рассмотреть, уничтожен ли вместе с деревом враг, но рваные клочья тумана мешали ИК-подсветке ноктоскопа, а в режиме термосканера сотканый из нанороботов лицевой щиток бронекостюма работать почему-то отказывался. Вернее, он работал, но никого теплокровного в поле зрения не было.

Валуев сделал шаг, но, еще не закончив движение, резко развернулся влево, попытался выстрелить, бросил вновь «зависшее» оружие, выхватил из кобуры «грач» и вlepил в темноту пять пуль. Все за пару секунд. Пресловутая «гауссовка» опять дала сбой, и Валуев был вынужден прибегнуть к помощи «низких», но более надежных технологий.

Пистолет имел маркировку «МБ» – модернизированный, бесшумный, – однако после «гауссовки» его хлопки казались почти такими же оглушительными, как и грохот падающего дерева. Ночной переполох усилился, к гомону птиц присоединились вопли какого-то мелкого зверья. Борис настороженно оглянулся и повел стволом оружия вправо-влево. Ориентироваться на слух в таком бедламе было нереально, а приборы отказали одновременно с винтовкой, что было понятно, ведь противник опять применил М-станнер.

А вот почему он не добивал, пользуясь тридцатисекундной беззащитностью наемника, Валуев не понимал. Возможно, враг решил поиграть? Но тогда у Бориса явно появлялся шанс. Опытный наемник, к тому же бывший майор морской пехоты, очень опасная игрушка. Это даже не граната с электронным замедлителем, выставленным на произвольное время. Это вообще непредсказуемая, но такая же взрывоопасная штука. Мало не покажется.

Валуев медленно вложил пистолет в кобуру и так же медленно вытянул из ножен любимый кортик. Не парадный, к флотскому мундиру, а особый, боевой, созданный в семнадцатом году по спецзаказу для морских диверсантов. Борис, тогда еще молодой и горячий старлей, лично испытывал кортик и вносил свой скромный вклад в совершенствование этого оружия. Звучит довольно странно – испытания ножа, – но это если не видеть самого клинка и не держать его в руках.

Шорох – нет, просто колебание воздуха за спиной – заставил Бориса резко присесть, сделать наугад подсечку и атаковать холодным оружием со средней дистанции. Подсечка не удалась, но по крайней мере первый удар ножом пришелся по цели. В кисти осталось неприятное ощущение вибрации. Так бывало, когда кортик не брал защиту противника. Бронежилеты до «ЗА» класса он брал легко, главное, вложиться в удар, значит, в тумане прятался человек в керамическом «бронике» повышенной защиты. Или...

Борис рефлекторно блокировал удар в лицо, ответил ножом, но вдруг почувствовал, как пальцы разжались и любимое оружие улетело в туман. Сразу следом за кортиком в полет отправился и сам Валуев.

Только в финальной стадии невольного сальто, больно ударившись спиной о ствол ближайшей ели, он понял, каким приемом воспользовался противник, и проникся к столь умелому врагу относительным уважением. Поймать морпеха в момент атаки, пустить «враскачку» и бросить кувырком было непросто. Парень, во-первых, разбирался в айкидо, а во-вторых, был очень быстрым. И, черт возьми, видел нутром!

Бронекостюм активировался как раз в момент «раскачки», но от падения не спас, только от его последствий. Валуев оттолкнулся от ели ногами, весьма проворно для своей массы и габаритов кувыркнулся назад и встал на ноги. Приборы раскрасили мир в энное количество цветов и оттенков, но врага Борис так и не увидел. Тепловая картинка оставалась нейтральной, а подсветку по-прежнему глушил неестественно плотный туман. Валуев подключил к делу сонар. Контуры деревьев стали четче, а в замшелом «малом дембеле» обнаружили вкрапления какого-то металла, но, кроме елей, поблизости так ничего и никого живого не нашлось.

Но не с самим же собой сражался наемник! Борис с трудом удержался от соблазна поискать нож и снова вынул из кобуры «грач». Формально это было равносильно признанию собственной слабости, но сейчас у Валуева не оставалось выбора. Война – это не дворовые бои «до первой крови». Сильнее тот, кто остается в живых, вот и все правила. А с кровью ты убьешь врага или без – твои проблемы.

Валуев сосредоточился на ощущениях. Слева источник тепла. Тепло чужого тела? Нет, термоскан его не видит, значит, это финт...

Борис резко повернулся вправо и спустил курок. «Грач» клацнул – хлопка от выстрела Валуев не услышал, – в темноту медленно, будто проходя сквозь воду, улетела гильза, а затем пистолет повторил «подвиг» ножа. Он резко рванулся вперед, словно надеясь догнать умчающуюся в туман пулю, и исчез. Наемник просто не успел сжать рукоятку покрепче, чтобы удерживать оружие в руке.

Борис удивленно взглянул на разжавшиеся пальцы, а затем перевел взгляд на возникшую перед ним серую тень. Сам собой сжался кулак, но противник был действительно чертовски быстр и ударить морпеху не позволил. В грудь Валуеву звезданул, казалось, заводской кузнечный молот, и к невнятным отголоскам выстрела присоединился отчетливый хруст ломающихся ребер.

Борису было не столько больно, сколько удивительно. Ведь бронекостюм работал в штатном режиме, но принял на себя лишь половину энергии удара. Неужели серый призрак бил настолько сильно? Этот вопрос наемник задал себе уже в новом полете. На этот раз позади него оказалось не относительно безопасное дерево, а невесть как попавший на этот склон «малый дембель».

Валуев врезался в камень спиной, а через мгновение приложился к нему затылком. В недрах камня загудело, ближе к поверхности треснуло и зашуршало. Борис сполз к основанию валуна и уронил голову на грудь.

Последнее, что он запомнил, перед тем как провалиться в долгое и пустое забытие, был звук осыпающегося ему на плечи каменного крошева, а последней мыслью стал вывод, сделанный на основе отчетливого понимания сути текущих событий.

Барков – а «серой тенью в тумане» был, несомненно, он – оказался опасным противником. Особенно опасно было то, что он оказался еще и хитрецом. Он до самого последнего момента не показывал всего, что умеет, заманивая врагов на свое игровое поле. Теперь он вышел на тропу войны, и вряд ли найдется сила, способная его остановить.

Если говорить более конкретно о текущем моменте, Барков сейчас шел в лагерь наемников, чтобы раздобыть вертолет, и помешать ему в этом не мог даже Блэк.

«А если попробует, мало ему не покажется, – подумалось Валуеву. – А говорили – инженер... простой пацан. Непростой оказался пацан. Сильно непростой».

Будет неверно сказать, что на этом для Бориса померк свет. В ночном лесу было и так темно. Чему меркнуть? Валуев просто перестал думать и чувствовать, провалившись в холодный колодец глубокого забвения.

* * *

К моменту, когда группа оказалась на краю леса, окончательно рассвело, и туман почти развеялся, хотя солнце пока не взошло. Барков окинул взглядом открывшуюся поляну. Между лесом и вертолетной площадкой тянулся неширокий каменный вал. Вросшие в землю камни играли роль своеобразного ограждения взлетной полосы. С одной стороны, за ними было удобно прятаться разведчикам, но с другой – они могли помешать в момент атаки. Бег с барьерами дело непростое.

Денис был уверен, что это та самая площадка, на которой остались вертушки беглецов, но сейчас на ней стоял только «трансформер». Вместительные десантные машины улетели, причем недавно, во влажном воздухе разливался запах керосинового выхлопа. Это серьезно меняло планы, но лучше один вертолет, чем вовсе ничего.

Саша изучил схему постов, прикинул расстояние до «Си-980» и мысленно разыграл комбинацию захвата. Если удастся незаметно подползти поближе, все должно получиться как нельзя лучше. Только ползти придется по щелям между замшелыми валунами – задачка не из легких, если ты не змея.

Барков сполз с валуна и скользнул обратно в лес, под прикрытие еловых лап. Захват захватом, а вот что делать дальше? «Трансформер» не утянет весь отряд. И еще вопрос – где остальные вертушки? Если они отправились на поиски Добрецова и компании, дело плохо. Это означает, что наемники разгадали замыслы беглецов и сработали на опережение.

Когда Саша добрался до укромного местечка, в котором затаились товарищи, в голове у него созрел новый план.

– Что там? – спросил Климов.

– Только «трансформер». – Барков уселся на мокрую хвою. – Двое часовых, еще десяток солдат на дальнем краю поляны перетаскивают какие-то ящики. Захватим вертушку без проблем, а вот дальше... Я подозреваю, что наши допустили какую-то ошибку. Возможно, попытались выйти в эфир, и «Невод» их запеленговал. Если так, то все силы противника при поддержке вертолетов сейчас задействованы в операции по окружению и поимке отряда.

– Плохо, – Климов снова приуныл. – И что делать?

– опередить СБН и вытащить отряд у них из-под носа уже не получится.

– Можно ударить в тыл, – вмешался Денис. – У нашего «трансформера» неплохие пулеметы, да и десяток ракет найдется. И по маневренности он на порядок лучше десантных вертушек.

– Три бывших наших вертолета и бог знает сколько чужих против одного? – Барков отрицательно покачал головой. – Собьешь две-три машины, а потом тебя задавят массой. Никакая маневренность не поможет. Нет, воздушный бой не выход.

– Что же тогда?

– Выход один – лететь в Москву и попробовать раскатать «скандальный набат». Партизанить здесь, в лесах, можно до бесконечности, но пользы от этого не будет. В конце концов мы упустим время и нас победят.

– Набат... – Вася хмыкнул. – Красиво говоришь, но что конкретно можно сделать?

– Для начала надо найти зацепки... – Саша на секунду задумался. – А лучше всего встретиться и переговорить с Михайловым.

– Ну да. – Вася усмехнулся. – Станет он с тобой говорить! Он свой выбор сделал – кинул Влада, а на его место назначил Бойда.

– Я не уверен, что он сделал это добровольно.

– А если и так, если его Главный заставил – какая разница? Все равно он теперь враг!

– Осади, – негромко приказала Тамара. – Знаешь, что такое презумпция невиновности?

– Не так хорошо, как ты, но знаю, – огрызнулся Климов. – А еще знаю, что такое преступная беспечность. Мы можем не верить в предательство Михайлова, но исходить надо из фактов.

– Надо начать с «нейтралов», – снова высказалась Тома. – Когда заварилась каша, в дело вмешались менты, охранники и военные. В сторонке остались только некоторые из федералов. Вот с ними и надо связаться. И через них выяснить, чем на самом деле дышит Михайлов.

– Толково, – одобрил Денис.

– Так и сделайте. – Барков поднялся. – Дэн, не экономь. Сразу в реактивный режим – и пулей в Москву.

– Стоп, что значит – «сделайте»? – встрепенулся Климов. – А ты?

– Я остаюсь.

– Зачем?! Сам же сказал, если не получится в Москве, тут придется партизанить до нового ледникового периода.

– Здесь моя семья, Вася. Будут свои дети – поймешь.

– Да я понимаю, но там-то кто будет «набат качать»?! Мы, что ли? И всё?!

– Тебе надо поработать над самооценкой, Василий. – Барков усмехнулся и похлопал Климова по плечу. – Ты все обижаешься, что тебя никто не воспринимает всерьез. Ну так соверши подвиг! По прилете сразу идите к Тимофееву или к Евстратову.

– А они не пошлют?

– Думаю, нет. Мне почему-то кажется, что Владислав неспроста шушукался с Евстратовым перед отлетом из офиса.

– Позвонить бы шефу, уточнить. – Климов почесал в затылке. – А то как слепые котята.

– Выше самооценку, Вася, – усмехнулась Тамара. – Как бойцовые коты... и кошки. Чур, я пантера.

– А-а, ну вас! – Климов скривился. – Подвиг так подвиг... нам ли мимо проходить?

– Ну, вот и договорились. – Барков достал оружие. – Как только сниму часовых, рысью в машину, ясно? А подниметесь на борт, сразу по газам. Дэн, ты слышишь? Сразу, без прогрева, вверх, трансформируйся – и с места в точку.

– Я понял. – Денис недовольно покачал головой. – Без прогрева, да еще с места, в реактивный режим... сразу минус сто часов ресурса.

– Война поколения сверхмашин, что поделать? У кого техника новее и надежнее, тот и победит. – Саша махнул рукой. – За мной!

Глава 5

Москва, 14–15 сентября

Евстратов в очередной раз проложил маршрут, теперь не оптимальный, но более-менее безопасный, и ввел его в навигатор.

За этим делом его и застал вызов по служебной линии. На этот раз связь обеспечивалась спутниковой сетью «Палладиум».

– Здесь, – буркнул Евстратов.

– Сбросьте скорость и сидите тихо, – потребовал смутно знакомый голос.

Полковник покосился на экран навигатора. В окошке видеосвязи появился сосредоточенный субъект в гарнитуре пилота. Евстратов поднял взгляд вверх. Над ним снижался так быстро, что хотелось сказать – пикировал, вертолет-«трансформер» стандартной раскраски. Что, конечно, было обманом зрения. Точнее – маскировочной голограммой.

– Только аккуратно подцепляй, Денис, машина не казенная, – недовольно сказал полковник. – Ты откуда тут взялся?

– Оттуда, – ответил пилот. – Не отвлекайте, герр полковник.

– Думаешь, трюк сработает?

– Не отвлекайте, говорю! Я ведь не каждый день практикуюсь. Промажу – с дерьмом меня съедите, раз машина не казенная. Разве не так?

– Съем. – Геннадий устало вздохнул. – Молчу.

Молчал он ровно секунду.

– Все остальные тоже в городе?

– Все не все, но те, у кого холодные руки, горячие головы и чистые сердца, к вашим услугам. – В экране появилась физиономия Климова. – Ничего не перепутал? Приметная у вас машинка, господин Евстратов. На «Лексус» денег не хватило?

– Что бы ты понимал! – фыркнул Евстратов. – Кто еще там с холодными руками? Владислав где?

– В тайге, – коротко ответил Климов. – Но они выберутся. Саня там же остался. Мы думали сначала большую вертушку отбить и всех вывезти, но получилось только эту, все остальные к тому моменту были в воздухе, по следу улетели.

– Получается, Влада там ловят по полной программе, а вы тут?!

– Мы тут тоже не бездельничаем, – насупился Климов. – Барков там все уладит, он снова в форме. Вы бы видели, как он наемников отделал! Короче, встретимся на явке, изложу подробно. Ваш генерал попросил нас присоединиться к... мероприятию.

– Привязать, чтобы не мешали. – Геннадий кивнул. – Известный метод.

– Я дико извиняюсь, но вы бы помолчали минутку, а? – Денис незаметно утер со лба испарину. – Прицелиться не даете. Внимание... Держитесь, полковник, сейчас тряхнет.

Тряхнуть не тряхнуло, но по крыше что-то отчетливо брякнуло. Будто с борта вертушки из хулиганских побуждений сбросили трехчетвертную гайку.

– Погодите, орлы, вы разве не эвакуировать меня прилетели? – опомнился Евстратов.

– Старый фокус, – с облегчением выдохнув, сказал пилот. – Уже давно не помогает.

– А что тогда?

– Увидите. Я сейчас уйду вверх, чтобы не светиться, а вы двигайте в сторону Ваганьковского. Ваш генерал просил передать, что сбор будет там.

– Под какой плитой?

- Ближе к месту вас сориентируют поточнее.
- Просил передать? – Евстратов недоверчиво хмыкнул.
- Понимаю. – Денис кивнул. – S-почту проверьте. Всего хорошего.

Евстратов ткнул в голографический значок почтовой программы и увидел присланный минуту назад приказ. Генерал Тимофеев менял планы в связи с «новыми обстоятельствами дела». Ну что ж, не бросает в трудную минуту, и на том спасибо. Хотя мог бы и предотвратить эти «обстоятельства» или продумать операцию получше. Ну да что имеем, то имеем. Полковник проводил взглядом вертушку бывших агентов СБН.

«А что мы, собственно, имеем? – вернулся к теме полковник. – Что такое загадочное сотворил Денис, вместо того чтоб подцепить меня эвакуатором и увезти из города к чертовой матери? Сбросил мне на крышу проектор маскировочной голограммы?»

Геннадий с опаской взглянул на капот. Чистые, стремительные линии «дельты» были теми, что и раньше. Она осталась той же машиной, того же цвета, а не превратилась в имитацию китайской «Фауи», имитирующей в свою очередь «Ягуар ХК» начала десятых годов. Нет, пилот говорил о чем-то другом. Маскограммы в экстренных случаях выручали не раз, это не секрет, а Денис намекал на что-то новенькое, широкой спецпублике пока неизвестное.

Евстратов проверил картинку со спутника. Полковничьей «Мазды» на ней не было. Геннадий увеличил изображение, сменил пару ракурсов, но результат остался прежним. «Дельта» загадочным образом исчезла из поля зрения «Невода», будто не существовала вовсе.

«Вот в чем дело! Шапка-невидимка против взгляда с орбиты. Действительно, свежее решение. С точки зрения обывателя – полумера, но на самом деле именно то, что надо. Если «люди в черном» не перекроют магистрали в поисках улизувшей «Мазды», а понадеются на «Невод», новинка работает как нельзя лучше. А они так и сделают, ведь они уверены, что имеют на «невидимость» исключительное право. Однако технологии не стоят на месте. Похоже, всемогуществу «Невода» так или иначе приходит конец.

Вот интересно, что бы сказал Главный, а особенно его спонсоры, узнав, что от всемирного соглашения можно защититься, не только захватив его наземные станции, но и другим способом? Каким – пока непонятно, но другим. Столько денег на ветер. Ужас!»

Полковник усмехнулся. И поделом. Но как все-таки это получается? Что сбросил рыжий пилот персональной вертушки Добрецова на крышу «дельте»? Не шапку же невидимку в самом деле!

Пока хозяин мучился в догадках, машина успела вырваться на Шереметьевскую и, растворившись в плотном потоке транспорта, покатила в сторону Суцевского вала. По Третьему транспортному кольцу попасть в точку сбора было реально задолго до полуночи. Тем более что никто за Евстратовым не следил.

«И это для успеха начавшейся операции самое главное, – решил полковник, оставив бесплодные попытки разгадать секрет маскировки. – А про шапку-невидимку Климов расскажет. Судя по его реплике насчет подробностей при встрече, он тоже появится на новой базе. Очень интересная команда получится. Отпускники-чекисты и уволенные без выходного пособия сотрудники СБН».

Впрочем, Евстратов, случалось, руководил и не такими сборными. Это еще вполне приличный коктейль. Бывало гораздо хуже. Не бывало только одного – чтобы Тимофеев, а возможно и сам директор, делали серьезную ставку на несерьезную, наспех сформированную команду. Никогда не бывало. Но все когда-нибудь случается в первый раз...

...Новая явка расположилась в небольшой трехкомнатной квартирке на пятом этаже «свечки», построенной в конце девяностых и по меркам того времени вполне приличной. Она и сейчас не выглядела типовым убожеством советских времен, но класс ее за прошедшие годы определенно снизился с «экономического» до «бюджетного». Впрочем, Евстратов со товарищи

не собирались здесь жить до самой пенсии. Для работы квартирка в доме на Беговой подходила как нельзя лучше. И недалеко от центра, и транспортные развязки под боком, и пешком уйти не проблема – либо нырнуть в метро, либо через кладбище, а можно затеряться в лабиринтах путей и вагонов на станции Москва-Товарная или придумать что-то еще. Оперативный простор для фантазии открывался приличный.

Как выяснилось, место для базы выбирал Федор Зинчук, давний товарищ Евстратова по службе сначала на Кавказе, а затем в отделе «С-3». После возвращения из грузинской командировки они на пару лет потеряли связь, но, когда началась заварушка в Южно-Китайском море, снова встретились. После войны Федора опять перевели, теперь с повышением, в Подмосковье. В семнадцатом он был заместителем Евстратова. Похоже, в новом отделе ему предложили ту же должность. И это было хорошо. Надежно.

За выбор явки Зинчук получил от начальника первую благодарность. В ответ он лишь ухмыльнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.